

*Воскрешение Лазаря (Ин. 11—12).
Базлика Сант-Аполлинаре-Нуово, Равенна. VI в.*

ЛЕКЦИЯ 1

А. Н. Домановский

МИФ ВИЗАНТИИ: ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ*

Before me oaths an image, man or shade,
Shade more than man, more image than a shade;
For Hades' bobbin bound in mummy-cloth
May unwind the winding path;

---

* Предлагаемая Вашему вниманию лекция выросла из двух начал: 1. Доклад «Византійські ОбрАзи {скетч-доповідь у трьох наголосах, з епіграфом, передмовою, висновками і мораллю}», прочитаний на засіданні Методологічного семінара історического факультета Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна 30 листопада 2011 г. (см.: Андрій Домановський. Византійські *ОбрАзи* {скетч-доповідь у трьох наголосах, з епіграфом, передмовою, висновками і мораллю}. [Електронний ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/11/28/news-268/>; Три наголоси у сприйнятті Візантії. [Електронний ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/12/14/news-282/>); 2. Открытой лекції «Візантія після Візантії», прочитана в рамках спецкурса «Византійська цивілізація», преподаваемого автором на кафедрі історії древнього світу і середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна 15 грудня 2011 г. («Візантія після Візантії» (відкрита лекція А. Домановського; Харків, 15.12.2011). [Електронний ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/12/14/news-284/>).

В то же время текст, представленный на этих страницах, существенно отличается и от того, о чем шла речь в названных лекциях, и от того, что прозвучало в зале собраний Свято-Пантелеимоновского храма. Каждый раз, выступая с лекцией, приходится учитывать великое множество разнообразных факторов, определяющих ее формат, как то: регламент, возрастной состав слушателей, наличие у них изначальных знаний о предмете, возможные факторы личностного (в том числе и предвзятого) отношения к поднимаемым в лекции вопросам и т. п. В связи с этим ряд моментов в прочитанной 29 ноября 2012 г. лекции был сознательно опущен как из-за временных рамок выступления, так и в связи с весьма разнообразным составом аудитории — от университетских профессоров и священнослужителей высокого ранга до школьников и пожилых прихожан.

Несомненно, что и этот текст не способен вместить все те аспекты, в которых в той или иной форме предстает перед нами миф Византии, не говоря уже о многочисленных и, зачастую, весьма ярких, примерах. Очевидно, что о миф(е)(ах) (о) Византии может и должно быть написано не меньше, чем о самой собственно Византійській імперії.

A mouth that has no moisture and no breath
Breathless mouths may summon;
I hail the superhuman;
I call it death-in-life and life-in-death.

William Butler Yeats. Byzantium

Пливе поперед мене образ, муж чи тїнь,
Тїнь швидше, ніж людина,
і образ бїльш, ніж тїнь;
Клубок Аїда, випрядений в саван,
Розплести може звивистий свїй шлях,
А всохлий рот, що дихання не має
Родити клич в бездиханних вустах.
Понадлюдське начало я вітаю;
І смертю-у-житті,

життям-у-смерті називаю.

Вільям Батлер Єйтс. Візантія
(переклад Андрія Домановського)

Передо мной плывет виденье, муж ли, тень,
Тень более, чем муж, видение — чем тень;
Клубок Аида — мумии покров
Змеящийся распутать может путь;
Иссохший, бездыханный может рот
Исторгнуть бестелесный зов, вздохнуть;
Сверхчеловеческое в нём я восславляю;
И смертью-в-жизни,

жизнью-в-смерти называю.

Уильям Батлер Йейтс. Византия
(перевод А. Н. Домановского)

— ...Я описатель Историй. Теперь я должен работать над хроникой последних дней Византии. Куда мне вставить историю, рассказанную Баудолино?

— А куда. Эта история его. Ты что, уверен, что она точно подлинная?

— Нет, Все, что мне известно, было рассказано им. И от него же мне известно, что он по природе лгун.

— ...Как может исторический дееписец принять на веру такое ненадежное свидетельство? Ты вычеркни Баудолино из своей истории.

... — Но ведь красивая история. Жаль, если ее никто не узнает.

— Ты не считай себя единственным писателем на земле. Настанет время, и кто-то другой, не меньший лжец, чем Баудолино, ее расскажет.

Умберто Эко. Баудолино
(перевод Елены Костюкович)

Для того, чтобы начать о чем-либо говорить, особенно говорить с кем-то, кого видишь впервые или не видишь вообще, нужно выбрать или придумать своеобразную точку входа, некое утверждение, фразу, тезис, которые позволят... нет, не привлечь внимание, точнее — не только привлечь внимание... позволят оттолкнуться от точки опоры, как отталкиваются от скалистого берега рывком в открытое море, задавая, тем самым, направление и ритм движения, соблюдая в дальнейшем некие ритуалы плавания или пренебрегая ими. И неважно, на чем Вы будете плыть и чем отталкиваться — голый ступней босой ноги или жестким, но, вместе с тем, пружинящим веслом — первотолчок необходим, и он, в итоге, задаст ту траекторию движения, по которой будет разворачиваться плавание-повествование. Возникающая во втором случае метафора лодки, как мне кажется, гораздо более приемлема в нашем случае, Слушатель и Читатель, ибо мы будем в этом плавании вместе, чтобы в его итоге воскликнуть вместе с Поэтом — «И вот я пересек миры морские / И прибыл в край священный Византии» (*перевод Г. Кружкова*).

Итак, первотолчком в данной лекции станет тезис-утверждение того, что Византия, Византийская империя — это миф, поскольку такого государства или страны никогда не существовало. Конечно, нужно сразу оговориться, что это утверждение не имеет ничего общего с пресловутыми построениями А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского или украинского их собрата по необоснованным сенсационным заявлениям В. М. Бебика. И уточнить, что само государство и страна, конечно же, существовали, но назывались (то есть называли себя) и называемы извне были иначе. Византийцы не знали, что они — византийцы (считая, что они римляне-ромей), а Византийская империя не знала (если мы будем приписывать государству качества, способности и возможности человека), что она — Византийская.

Византия, впрочем, прекрасно осознавала, что она — Империя, вполне обоснованно полагая самое себя прямым продолжением империи Римской, отнюдь не погибшей вместе с падением Рима в 476 г., но продолжившей существование на Востоке, постепенно избрав и утвердив своим столичным центром не сирийскую Антиохию или египетскую Александрию, но древний городок Византий, расположенный на границе Европы и Азии, на выдающемся треугольно остроящимся языком в межевые воды Востока и Запада мысе между заливом Золотой Рог и Мраморным морем. Рим, несомненно, был миром, но вместе с его гибелью мир не погиб, но был перевоссоздан во Втором или Новом Риме, как именовали основанный императором Константином Великим на месте Византия город, названный в честь основателя Константинополем. Этот город имел впоследствии множество символических и аллегорических названий и обозначений,

неизменно оставаясь царственным градом в мраморном и золотом уборе строений, высившихся между морем и заливом с говорящими и весьма соответствующими ситуации названиями — Мраморное море и Золотой Рог. Не зря именно этот город остался в русских летописях и южнославянских языках Царьградом.

Следует, видимо, особо подчеркнуть, что Византия воспринимала себя отнюдь не как наследницу Римской империи (это утверждение нередко можно встретить в научно-популярной или учебной литературе), но была, собственно, самой Римской империей, продолжившей свое существование в средневековье вплоть до гибели в 1453 г. под кривой саблей османского завоевания. Название «Римская империя», «Римская держава» в их эллинизированном (попросту — греческом) варианте «Ромейская империя», «Ромейская держава» активно использовались подданными императора-василевса для обозначения своего государства вплоть до его гибели в середине XV в. и после нее. Таким образом, как мы уже помним, Византийской империи (точнее, государства с таким самоназванием) — не существовало, но существовала Империя ромеев (римлян), Ромейская (Римская) империя.

Тогда откуда же взялось привычное нам название Византия или Византийская империя, почему и зачем оно возникло, заменив вполне пригодное и, главное, соответствующее историческим реалиям название «Римская (Ромейская) империя»? Как и почему оно закрепилось и прочно укоренилось в науке и бытовом речевом обиходе? Ответы на эти вопросы следует искать не в самой Ромейской империи и не во время ее существования. Эти названия, точнее — латинский термин «Byzantium» (Византия) появился уже после гибели этого средневекового государства, в середине XVI в., когда его применил немецкий филолог, публикатор античных и средневековых греческих литературных памятников Иероним Вольф (1516—1580 гг.) из Аугсбурга. Написав в предисловии к одному из томов трудов средневековых греческих (византийских) историков (Вольф издал произведения Никиты Хониата, Никифора Григоры, Лаоника Халкокондила) обобщающий очерк истории Восточной Римской империи в Средневековье, Вольф назвал ее Византией, с целью провести разграничение между собственно Римской империей Античности, и ее продолжением в Средние века.

Название Византия было, таким образом, изобретено искусственно в эпоху Возрождения, и происходит от названия древнегреческого городка Византий, на месте которого был основан в начале IV в. Константинополь, ставший впоследствии столицей обновленной Империи. Предложенное Вольфом название довольно быстро укоренилось в научной литературе,

широко использовалось историками и философами «Просвещенного» XVIII в. и, в итоге, закрепилось и в исторической науке, и в общественном сознании как правильное название Империи, постепенно сформировавшейся из восточной части Древней Римской империи с центром в городе на рубеже Европы и Азии, и дожившей, при всех исторических перипетиях, со всеми территориальными, социальными, экономическими, административными etc изменениями до середины XV в., когда пала ее столица.

Видимо, мы и в дальнейшем будем следовать уже устоявшейся традиции, и называть Ромейскую империю, Романию Средневековья, Византией, хотя по отношению к ней, ввиду произошедших в течение IV—VII вв. трансформаций цивилизационного становления, вполне может быть применено предлагавшееся исследователями условное обозначение «Священная Христианская Римская Империя Греческой Нации». В этом определении отдана дань тем трем китам, на которых зиждилась хранина Византийском цивилизации: ортодоксальному (православному) христианству, имперской древнеримской государственности и древнегреческой культуре-образованности. В той или иной степени к подобному соборному определению склонялись уже сами византийцы, к примеру, Константин Философ, который в беседе с иудеями, упоминая о «римском царстве», утверждал: «Не владычествует больше, ибо минуло, как и иные (царства), в изображенном (им) образе, ибо наше царство не римское, а Христово...», подразумевая, несомненно, не гибель Древнеримской империи, но ее перерождение из языческой в христианскую.

Иероним Вольф, которому мы обязаны самим именем Византии, заложил в своем первом в западноевропейской науке очерке истории византийского государства также то первичное восприятие этой средневековой империи, которое стало традиционным. Полагая своей целью представить, как «нашим современникам могла быть предложена византийская история в целом» («*integrum totius Byzantinae historiae Corpus*»), ученый, во-первых, подал ее в виде неполноценной монархии, на примере которой следует учиться, как избежать ошибок «слабой» империи; во-вторых, связал византийскую историю с современностью — геополитическими проблемами Европы XVI в. Видимо, уже с того времени в интеллектуальной, прогрессивной мысли Европы начало постепенно утверждаться пренебрежительное, высокомерное отношение к Византии и всему византийскому как символу косности, отсталости, твердолобой ортодоксальности, коварства, подлости, интриг, кумовства, заговоров, коррупции, загнивания и прочих негативных малопривлекательных явлений мировоззренческого характера и общественного устройства. И уже с того времени зародилось

противопоставление прогрессивного, динамичного Запада (собственно, Западной Европы и ее производных) и отсталого (отстающего) Востока, наиболее ярким проявлением которого в Европе стала именно Византия.

Образ «растленной Византии», «безумившей народы», был весьма успешно взят на вооружение французскими просветителями XVIII века, такими, как Франсуа Вольтер и Шарль Монтескье, стремившимися через созданный ими символический образ Византийской империи критиковать тогдашнюю французскую абсолютную монархию, которая, кстати сказать, действительно проявляла значительный интерес к истории «Нижней (Поздней) Империи» («Bas-Empire»), стремясь заимствовать оттуда некоторые идеи и принципы организации государственного и общественного устройства, формы придворного церемониала. Вольтер, к примеру, ничтоже сумняшеся, писал, что все наследие Византии «...является позором человеческого ума», а его немецкий «коллега» Георг Вильгельм Фридрих Гегель видел в ней «...отвратительную картину слабости, где жалкие, даже абсурдные страсти не дают ничего великого в мыслях, делах и личностях».

Созданный философами-просветителями отрицательный образ Византии подхватили историки, наиболее известным из которых стал, пожалуй, Эдуард Гиббон, написавший в последней четверти XVIII в. многотомный труд «История упадка и разрушения Римской империи». В нем византийская история была представлена как воплощение государственного и общественного упадка и загнивания, нравственного и политического застоя. В пятом томе своего труда ученый отмечал: «...подданные Восточной империи, усвоившие и бесчестившие названия греков и римлян, представляют безжизненное однообразие гнусных пороков, для которых нельзя найти оправдания в свойственных человеческой натуре слабостях и в которых не видно даже той энергии, которая воодушевляет выдающихся преступников».

Не избежали такого отношения к Византии и русские мыслители. Так, в известных «Философических письмах» (1829—1831 гг.) Петр Яковлевич Чаадаев резко критиковал Россию именно как наследницу религии и культуры пребывавшей между Востоком и Западом Византии, которая, вследствие своего пограничного, межевого состояния и положения, оказалась вне истории мировой цивилизации. Философ видел в византийских традициях причину косности и исторической отсталости России. Он, в частности, писал: «Что делали мы в то время как из жестокой борьбы варварства северных народов, с высокой мыслию религии, возникало величественное здание нового образования? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии».

Эта сугубо негативная оценка Византии уверенно прошла сквозь весь XIX в. и продолжила свое существование в историко-философских и «геополитико-цивилизационных» сочинениях авторов XX—XXI вв. Так, в середине XX в. в очерке «Византийское наследие России» Арнольд Тойнби отмечал: «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточноправославного христианства. Русские приняли православие в конце X века, и нужно подчеркнуть, что это был осознанный выбор с их стороны. В качестве альтернативы они могли последовать примеру степных хазар, принявших в VIII веке иудаизм, или, скажем, волжских булгар, которые обратились к исламу в X веке. Несмотря на эти прецеденты, русские отчетливо сделали свой выбор, приняв восточноправославное христианство от Византии; а после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие».

А Нобелевский лауреат Иосиф Бродский в написанном в 1985 г. эссе «Путешествие в Стамбул» (по-английски оно было названо «Flight from Byzantium» — «Полет (или Побег) из Византии» (явная аллюзия на «Плавание в Византию» Йейтса)) отмечал: «Византия, при всей ее греческости, принадлежала к миру с совершенно отличными представлениями о ценности человеческого существования, нежели те, что были в ходу на Западе, в — каким бы языческим он ни был — Риме. ...Византия была мостом в Азию, но движение по этому мосту шло в обратном направлении. Разумеется, Византия приняла Христианство, но Христианству в ней было суждено овосточиться. В этом тоже в немалой степени секрет последующей неприязни к Церкви Восточной со стороны Церкви Римской. Да, спору нет, Христианство номинально просуществовало в Византии еще тысячу лет — но что это было за Христианство и какие это были христиане — другое дело.

...Деваться Руси от Византии было действительно некуда, подобно тому, как и Западу от Рима. ...Русь оказалась естественной географической добычей Византии. ...Русь получила — приняла — из рук Византии все: не только христианскую литургию, но, и это главное, христианско-турецкую (и постепенно все более турецкую, ибо более неуязвимую, более военно-идеологическую) систему государственности. ...чем покойный Сулов или кто там теперь занимает его место — не Великий муфтий? Чем генсек не

падишах или, лучше того, император? И кто, в конце концов, назначает Патриарха, как, впрочем, и Великого визиря, и муфтия, и халифа? И чем политбюро — не Великий Диван? И не один ли шаг — шах — от дивана до оттоманки?».

Вполне очевидно, что именно из этого, условно говоря, вольтеровско-гиббоновского взгляда на Византию и византийское наследие родилось то уничижительно-пренебрежительное содержание, которое вкладывается в слова «византинизм», «византийское», «византищина» как в русском и украинском, так и современных западных языках.

«Византийский — хитрый, лицемерный, жестокий»¹ — гласит «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», составленный А. Чудиновым в начале XX в. В современном греческом языке слово «Византийская» по отношению к империи подразумевает такие характеристики, как «двуличие, лицемерие и упадок»², а все потому, что слово «византинизм» («βυζαντινισμός») пришло в современный греческий из других европейских языков (видимо, прежде всего, из немецкого), и «современные греки сегодня считают, что «Византия» разрушила греческую культуру и стараются дистанцироваться от всего «византийского»»³.

В немецком языке слово «Byzantinismus» используется для обозначения пресмыкательства и лизоблюдства, подобострастного подчинения и преданности, а также навязывания намеренно чрезвычайно усложнен-

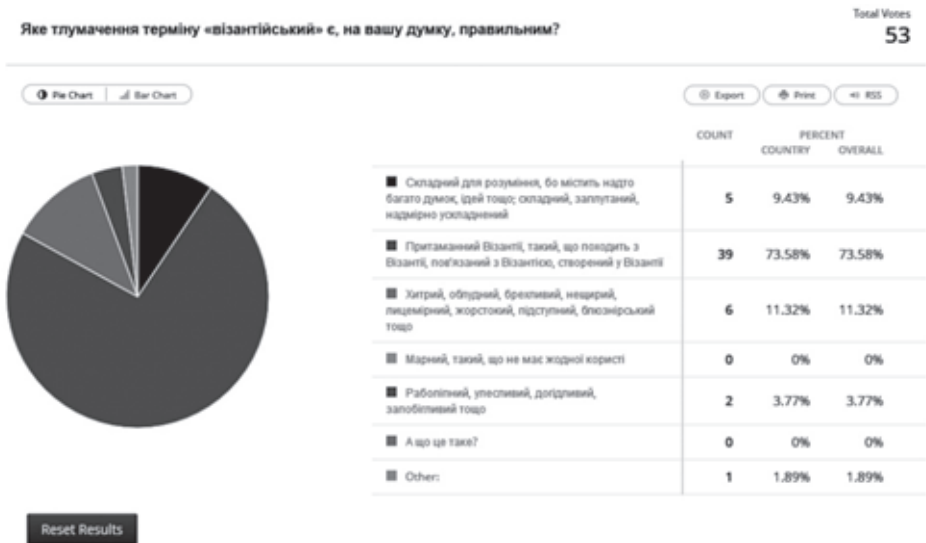
¹ Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fwords/Vizantijskij-7550.html>

² Clifton R. Fox. TI EINAI, AN EINAI KATI, ENAS BYZANTINOS; [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.romanity.org/hm/fox.e.01.ti_einai_an_einai_kati_enas_buzantinos.01.htm (Η λέξη «Βυζαντινή» προσδιόριζε την Αυτοκρατορία και υπονοούσε τα υποτιθέμενα χαρακτηριστικά της: δολιότητα, υλοκρισία και παρακμή).

³ Περὶ «Βυζαντινῶν» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://romiosini.wordpress.com/2011/02/16/%CF%80%CE%B5%CF%81%CE%AF-%CE%B2%CF%85%CE%B6%CE%B1%CE%BD%CF%84%CE%B9%CE%BD%CF%8E%CE%BD/> (...παράδειγμα η λέξη «βυζαντινισμός» που πολιτογραφήθηκε σε όλες τις ευρωπαϊκές γλώσσες και στη συνέχεια μεταφέρθηκε και στην Ελλάδα. Σε μεγάλο βαθμό το πέτυχαν: οι νεοέλληνες πιστεύουν σήμερα ότι το «Βυζάντιο» κατέστρεψε τον ελληνικό πολιτισμό και προσπαθούν να αποστασιοποιηθούν από κάθε τι «βυζαντινό»).

ных бесполезных ритуалов, направленных на подчеркивание сугубо внешних, несущественных и не существующих различий в общественном положении и месте чиновника на бюрократической лестнице в зависимости от его ранга⁴.

Во французском языке «Byzantin» обозначает нечто специально чрезвычайно запутанное, намеренно излишне усложненное, и, в целом, мелочное и несущественное⁵, а в английском — «Byzantine» — обозначает нечто сложное, сложносоставное и вследствие этого непростое, трудное для понимания⁶.

Куда уж тут до простого определения, что «византийский» — это такой, который попросту происходит из Византии, связан с ее историей и культурой⁷. И вряд ли могут считаться показательными в этом плане результаты

⁴ Byzantinismus — Wikipedia [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://de.wikipedia.org/wiki/Byzantinismus> (Byzantinismus ist ein von Kritikern gebrauchter, abwertender Begriff für „kriecherische“ Unterwerfung und Ergebenheit sowie für die Einführung besonders anspruchsvoller und ausgefeilter Rituale, die auf die äußerliche Betonung von so nicht bestehenden Rangunterschieden abzielen).

⁵ Byzantin: Définition du mot byzantin de source académique [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ptidico.com/de_nition/byzantin.htm (Byzantin — qui est d'une subtilité excessive, compliqué à l'excès).

⁶ Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/Byzantine> (Byzantine — complicated and difficult to understand).

⁷ Великий тлумачний словник сучасної української мови. — К., 2001. — С. 186 (Візантійський — який походить з Візантії).

опроса, проведенного среди посетителей сайта «Василевс. Українська візантиністика», которым было предложено ответить на вопрос: «Какое толкование термина «византийский» является, по Вашему мнению, правильным?»⁸. Из 53 ответивших 39 отдали предпочтение варианту «Присущий Византии, происходящий из Византии, созданный в Византии», однако следует учитывать, что посетители сайта преимущественно люди, имеющие существенно более глубокие знания о Византии, чем среднестатистический пользователь Интернета. Общее же знакомство с употреблением терминов «византийский», «византийщина» в речи политиков, общественных деятелей, блоггеров, пользователей социальных сетей недвусмысленно свидетельствует в пользу того, что в него вкладываются такие значения, как «хитрый», «лживый», «неискренний», «лицемерный», «жестокий», «коварный», «раболепный», «льстивый», «угодливый» и т. п.

Показательно, что метафора «византийского» была избрана современными украинскими исследователями для характеристики пассивной, покорной, подчиненной («женской» в их терминологии) «психологии политического поведения»: «Византинизм ориентировался на создание одномерного моноконцептуального мира, где субъект является только объектом среди других объектов, где человек не создает, открывает и изменяет мир, а мир, как воплощение мудрости, как вселенский тоталитарный континуум онтопсихического совершенства отражается несовершенным разумом субъекта. ...субъекту здесь отводится подчиненная (женская) роль: воспринимать, надеяться, ждать, а не созидать, подражать, а не изобретать.

Психокультурный портрет византизма был бы неполным без учета еще одной особенности экзекутивной ориентации — объективистского тоталитаризма. Дело в том, что в одномерном мире, который уже несет в себе истину собственного бытия, которые обрекает субъекта на чистую репродуктивность и подражание, который заставляет даже мужчин принимать стратегию поведения женщин, не существует дистанции между социализацией и чистым насилием. Это отсутствие автономии внутренней психологической сферы византийцев способствовала объективации субъекта и облегчала манипулирование им со стороны всепроникающей тоталитарной власти»⁹.

Не правда ли, использованное исследователями сравнение весьма напоминает откровенно эротические, даже порнографические образы Византии и византийского из поэмы Максимилиана Волошина «Европа»:

⁸ ОПИТУВАННЯ ВАСИЛЕВСА. [Електронний ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/11/18/poll/>

⁹ Донченко О., Романенко Ю. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення). — К., 2001. — С. 120—121.

Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь материе органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствовалище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.

Впрочем, было бы неправильным думать, что у Византии не было защитников среди интеллектуалов. Уже в XIX в. знаменитый московский медиевист Тимофей Николаевич Грановский замечал: «Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда... начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но, кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы — славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными... На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление, которому мы так многим обязаны».

Что уж говорить о профессиональных исследователях-византинистах, которые стали появляться вначале поодиночке, а потом и целыми школами-плеядами в Российской империи со второй половины XIX в. Вначале им, конечно же, приходилось спорить с устоявшимися клише, доказывая во вводных частях своих исследований саму возможность обращения к сугубо византиноведческим штудиям. Так, харьковский историк Василий Карлович Надлер считал необходимым оспаривать укоренившееся в обществе мнение о византинизме как «китаизме на европейской почве», «тысячелетней агонии разлагающегося общества», доказывать, что Византия была «одним из замечательнейших феноменов всемирной истории».

Однако со временем такие вступительные пассажи потеряли актуальность, поскольку византийские исследования, в силу внутри- и внешнеполитических причин (прямая связь с российской историей и идеологическим утверждением самодержавия, с одной стороны, и с внешней политикой Российской империи (турецкий вектор, вопрос овладения проливами (Босфором и Дарданеллами), особые мессианские претензии по отношению к южным славянам) — с другой) приобрели вполне самостоятельный характер и перестали нуждаться в каких-либо оправданиях.

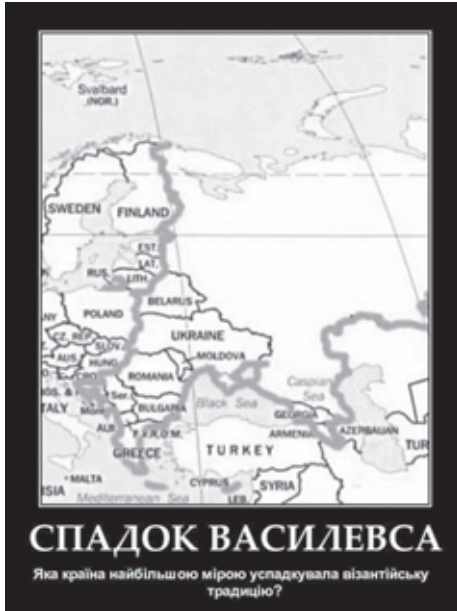
Пожалуй, наиболее полно этот аспект отношения к Византии и ее наследию в дореволюционной России осветил в статье «Политика и византиноведение» работавший некоторое время в Харьковском университете известный византинист-искусствовед Федор Иванович Шмит: «...источником интереса к «Византии» была политика, международная и внутренняя,

а вовсе не простая «жажда к знаниям». Вскрыв политические причины интереса к «Византии», мы тем самым добиваемся и указания на то, кто и с какими целями и в чью пользу высказал те или иные взгляды на «византийскую» историю... Если византиноведение может теоретически обосновать завоевание Константинополя и Малой Азии, как тут не покровительствовать византиноведению! Оно, действительно, и расцвело в конце XIX в. И в начале XX в. в русских духовных академиях, университетах, ученых обществах, Академии наук; в Константинополе, по инициативе вовсе не исследовательских учреждений (это надо подчеркнуть), а императорского посольства был основан специальный византиноведческий археологический институт. ...Было бы, однако, безусловным преувеличением, если бы мы все западноевропейское и российское увлечение проблемами «византийской» истории объяснили исключительно соображениями внешней политики. Тут играла крупную роль еще и политика внутренняя, и на Западе, и в России, и именно в течение всего XIX века».

Не менее категоричен украинский историк-марксист 1920-х гг. Григорий Натанович Лозовик: «Византиноведение царского времени выполняло чрезвычайно важную идеологическую и политическую функцию. Оно подготовляло умы и непрерывно внушало мысль о том, что русские цари — непосредственные наследники византийских императоров, что славянская нация (читай: великорусская) — природный преемник достоинства и мощи, богатства и величия, выпавших из рук одряхлевших ромейских греков, что православная церковь — единственная носительница религиозных идеалов всего православного мира, единственный пастырь единоверных душ как по сю сторону, так и по ту сторону Босфора. ...У непредубежденного читателя получалось необычайное впечатление от выпячивания славянского элемента на первый план во всей истории Византии, от необыкновенной гармонии в деятельности церкви и государства Византийской империи, от высоких принципов и выдающейся культурной миссии византинизма в ходе общественного развития и Западной и Восточной Европы». Интересно заметить, что и немецкое византиноведение XIX в. оказалось востребованным к жизни также во многом в связи со становлением германского имперского государства.

Поэтому, видимо, лишь отчасти прав патриарх российского византиноведения Федор Иванович Успенский, который в статье «Значение византийских занятий в изучении средневековой истории» отмечал преимущественно научное значение византиноведческих штудий: «восточно-европейский или греко-славянский мир не только в силу исторической давности на европейском материке, но и по своей своеобразной культуре, историческому значению, важной роли во всех европейских событиях — заслуживает,

по меньшей мере, столь же усердного изучения, как и романо-германский мир; без тщательного изучения этого мира событиям средневековой истории по необходимости придется ложный свет и неверное толкование».

Крайнее отрицание сменилось, в итоге, другой крайностью — полной апологетикой, почитанием Византии и всего византийского. Весьма редко встречались среди византинистов рубежа XIX—XX вв. (равным образом редки они среди российских ученых и ныне) последовательные критики Византийской цивилизации, такие, как, к примеру, Павел Владимирович Безобразов, о котором в предисловии к его «Очеркам византийской культуры» С. А. Жебелев писал следующее: «Особенно интересовали П. В. Безобразова отдельные стороны византийского быта, государственного, общественного и частного. И в предлагаемых вниманию чита-

теля «Очерках» обрисованы эти стороны, но обрисованы — нужно сказать правду — скорее в их отрицательных, чем в положительных проявлениях. Таково уже было свойство исследовательского таланта П. В. Безобразова: он подмечал скорее минусы, чем плюсы византийской культуры, и склонен был эти минусы иной раз даже подчеркивать».

В целом же апология Византии приобретала характер откровенного, неприкрытого почитания, преклонения, граничившего с полным отрицанием всего западного, демократического, либерального. В историко-философском трактате «Византизм и славянство» Константин Леонтьев писал: «Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом: зна-

ем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Особенно явно выступала эта апология в геополитических притязаниях Российской империи середины XIX — начала XX вв. Показательны в этом плане стихи Федора Тютчева, сумевшего поэтической строкой и вереницей образов выразить то, что, пожалуй, не в силах были передать столь ярко кипы официальных документов, политических заявлений и публицистических рассуждений. Так, в стихотворении «Русская география» поэт писал:

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы...
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.
<1848 или 1849>

России в геополитических воззрениях Тютчева была отведена роль окончательного (вос)созидателя мировой Империи:

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
 Вам не удастся нас лишить!
 Всемирную судьбу России —
 Нет, вам ее не запрудить!..

Май 1850

Или еще более откровенное в своих геополитических притязаниях тютчевское «Пророчество»:

Не гул молвы прошел в народе,
 Весть родилась не в нашем роде —
 То древний глас, то свыше глас:
 «Четвертый век уж на исходе, —
 Свершится он — и грянет час!

И своды древние Софии,
 В возобновленной Византии,
 Вновь осенят Христов алтарь».
 Пади пред ним, о царь России, —
 И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

Так по отношению к византийскому наследию возникало то отношение, которое Борис Кутузов весьма удачно определил как «Византийскую прелесть»: «На языке православных духовных писателей понятие прелесть означает самообольщение, соединенное с бесовским обольщением. История показывает, что в прелесть может впасть не только отдельный человек, но и целый народ, поддавшись необоснованным мессианским чаяниям, мечтам о великой миссии в национальном масштабе».

И как тут вновь не вспомнить «Европу» Максимилиана Волошина:

Чувствовалище и похотник ея, —
 Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам:
 Воль Азии вершитель и предстатель —
 Сквозь Бычий Ход Махмут-завоеватель
 Проник к ее заветным берегам.
 И зачала и понесла во чреве
 Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:

Да зачатое в пламени и в гневе
Собой восток и запад сопряжет!

После революций 1917 г., гражданской войны и прихода к власти большевиков, Византия оказалась надолго и прочно изъятой из общественного сознания. Как писал уже упомянутый Ф. И. Шмит: «Политически византиноведение у нас было полностью скомпрометировано. Это было до такой степени ясно, что после Октября, когда и с империалистической международной политикой и с самодержавием у нас было покончено, пришел, конец, казалось, и самому византиноведению — у нас, конечно, только. Надгробным словом русскому византиноведению была та «Хроника», которую заканчивает XXIII том Византийского временника (1923; предшествующий XXII том появился в 1916 г.). Автор «Хроники», академик Ф. И. Успенский, признает «глубокое несоответствие» византиноведческих традиций «с переживаемыми настроениями» (стр. 137) и указывает на «испытанные нами громадные потрясения, угрожающие полным колебанием прежних основ, на коих покоилась культурная жизнь русского народа» (там же); «последовавшая в России перемена политического строя, вызвав к жизни новые запросы, отвлекла внимание от многих теоретических и идеологических тем, охладив к ним общественное внимание» (стр. 134)».

После смерти Ф. И. Успенского, с конца 1920-х г. византиноведение как наука оказалось надолго и прочно забытыми, и лишь события Великой Отечественной войны и изменение (империализация) идеологического климата вернули к бытию и изучение истории Византии, и самое Византию, точнее, одну из разновидностей мифов о ней. Византистика возродилась в виде марксистской науки, с преимущественным вниманием к социально-экономическим процессам развития византийского общества, классовой борьбе и — вполне традиционно — русско-византийским и славяно-византийским связям.

Византия также, по словам известного российского византиниста Сергея Аркадьевича Иванова (лекция «Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании»), «никакой специальной роли в идеологии не играла, но активно использовалась в общественном пространстве для эзопова языка — политических намеков. Когда люди писали про Византию, они намекали, что речь идет про СССР. Главный фокус интеллигентского внимания, особенно в брежневские годы, был на якобы тоталитарном характере византийского государства». Это восприятие Византии как некоего прообраза сталинского тоталитарного государства заставило в свое время отказаться от поприща византиниста Арона Яковлевича Гуревича, поскольку он, по его словам, «начал все бо-

лее отчетливо ощущать нарастающую неприязнь к предмету моих штудий. Византийские порядки слишком напоминали мне советскую сталинскую действительность».

Для Александра Петровича Каждана наоборот именно этот аспект Византийской цивилизации был наиболее важным и привлекательным: «Византия оставила нам уникальный опыт европейского тоталитаризма. Для меня Византия не столько колыбель Православия или хранительница сокровищ античной Эллады, сколько тысячелетняя лаборатория тоталитарного опыта, без осмысления которого мы, видимо, не в состоянии представить себе наше собственное место в историческом процессе».

Почитание, прославление Византии, абсолютное не критичное к ней отношение возродилось в современной России и Украине после распада СССР. Как можно видеть, идет оно от двух истоков — религиозного преклонения перед Римской империей как «крестительницей Руси» с одной стороны, и политического избрания Империи ромеев в качестве символического образца для подражания в построении современного российского государства — с другой. Приверженцы этих подходов видят в Византийской империи отнюдь не реальный исторический феномен, но идеализированный и во многом придуманный ими самими (или заимствованный из подобных мифических измышлений предшественников) образ Византии.

Так, харьковский писатель Валерий Захарченко в книге «Память сердца», в которой он, по словам Митрополита Харьковского и Богодуховского светлой памяти Никодима «проницательно повествует о различных событиях истории Византийской империи, привлекая архивные документы», замечает: «Что же заставляет наши сердца благоговейно трепетать при упоминании Византии, что блистательная Держава передала нам — славянам как эстафету, завещая бережно хранить и нести дальше? Ответ может быть только один — Православную Веру, хранительницу душ и очагов наших, Веру, которая на всех исторических этапах помогала славянским народам пережить тяготы обыденности, Веру, научившую нас стремиться к тому, что делает нашу жизнь чище и светлее, Веру, благодаря которой живет каждый из нас!».

С другой стороны, одиозно известный российский политтехнолог Александр Дугин в разделе «Абсолют Византизма» его очерков «национальной философии» «Русская вещь» постулирует: «Нашей самой прочной базой является Византия. С богословской точки зрения, именно Византия была подлинным христианским царством — она длилась 1000 лет. Это и было тысячелетнее царство. Православие — это Византия. Россия — это Византия. Наша формула: Запад — зло, Византия — добро. Все, что написано

о Византии плохого, — ложь. Это лишь приемы идеологической борьбы со стороны Запада. Каждый русский должен знать, что Византия — чистое добро, всякий, кто утверждает иное, — враг. Критикуешь Византию — враг русского народа. Такова должна быть наша железная установка. Установка на Византию. Византия — абсолютный ориентир русского проекта, наша точка отсчета в истории. Это надежно и крепко, это центрально. Византия пала, когда засомневалась относительно собственной правоты».

Совместить оба эти подхода в полной мере удалось создателю фильма «Гибель Империи. Византийский урок» Архимандриту Тихону (в миру — Георгий Александрович Шевкунов). Насколько точно и сочно был сделан в плане духовного обоснования имперской природы и миссии российского государства этот идеолого-документальный фильм, можно судить уже по тому поистине неугасающему апологетическому или критическому вниманию, которым он пользуется по сей день.

Впрочем, как представляется, Россия «узнала себя» в образе Византии прежде всего отнюдь не на почве культуры, религии и прочей духовности, а потому, что увидела свое зеркальное отражение (с поправкой на разное историческое время, конечно же) на уровне базовой социальной, экономической, политической модели взаимоотношений общества и государства. Вполне можно согласиться также с Сергеем Аркадьевичем Ивановым, закончившим свою лекцию о современном российском взгляде на Византию такими словами: «По видимости, интерес к Византии лежит, с одной стороны, в провале либеральных реформ и с другой — в невозможности осуществления евразийских проектов с опорой на Восток. Россия оказывается зажата без геополитического фундамента. И в качестве этого фундамента выбирается Византия. 23-го января этого года на седьмом торжественном вручении национальной премии в области кинематографии премия за лучший документальный фильм была вручена фильму Тихона Шевкунова. Вручая ее, президент Медиасоюза Александр Любимов сказал: «Имя России — Византия». Я как византинист должен бы радоваться, но я чрезвычайно огорчился». Могу лишь добавить, что я полностью солидарен с этим огорчением С. А. Иванова.

В наиболее общем виде то, что «роднит» Византию и современную Россию, выдающийся российский историк и философ Юрий Иванович Семенов определил как «политарный способ производства»: «Общеклассовая частная собственность всегда приобретает форму государственной. Это с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров если не со всем составом государственного аппарата, то во всяком случае с его ядром, с его основной частью. ...Так как для этого способа производства характерны общеклассовая частная собственность, выступающая в форме

государственной, и совпадение господствующего класса с ядром государственного аппарата, то я буду называть его политарным (от греч. *полития*, *политея* — государство) способом производства или просто политаризмом. ...Отличный от древнеполитарного, но тоже политарный способ производства возник в Римской империи. Он просуществовал на протяжении всей истории Византии».

В подобном ключе приближался к определению социально-экономической природы Византийской цивилизации также известный востоковед, автор концепции «власти—собственности» и оригинального обобщающего очерка всемирной истории Леонид Сергеевич Васильев. «Нельзя сказать, — отмечал он, — чтобы свойственная традиционному Востока структура ее институтами власти—собственности и централизованной редистрибуции была в Византии преобладающей. Скорее напротив. Но стоит принять во внимание, что ослабление собственников в рамках все еще господствовавшей рыночно-частнособственнической структуры, которая веками опиралась на античные традиции и для которой частная собственность была священной, постоянно заботило аппарат власти. ...в Византии шел процесс притирания друг к другу двух разных структур, двух вроде бы несовместимых стандартов существования, как то имело место в свое время в эллинистических городах Ближнего Востока, значительная часть которых вошла в состав Восточной Римской империи. Можно сравнить это сочетание и с тем, которое было характерным для варварских королевств Западной Европы... Но в этом случае разница, — и это весьма существенно, — была в том, что в Западной Европе шел процесс укрепления рыночно-частнособственнического стандарта при ослаблении восточного, тогда как в Византии дело обстояло иначе. Хотели того правители, или нет, но здесь процесс шел, пусть и медленно, но в обратном направлении».

Если абстрагироваться от важных, но, при определенном (наивысшем!) уровне генерализации взгляда, непринципиальных выводов и суждений, частных замечаний и уточнений, учетом разных исторических эпох существования византийского государства, в близком ключе писали о социально-экономико-государственном устройстве Византии такие недюжинные византинисты, как Михаил Яковлевич Сюзюмов, Александр Петрович Каждан, Геннадий Григорьевич Литаврин, Джон Хелдон, Вольфрам Брандес, медиевист Пол Андерсон и некоторые другие. Даже весьма догматичные, как по мне, теоретико-исторические статьи главного идеолога и организатора советского византиноведения Зинаиды Владимировны Удальцовой могут быть в этом плане привлекательными и небесполезными.

Дабы не утомлять читателя этим более интересным для специалистов сюжетом, отошлю заинтересовавшихся к заключающему текст лекции

списку литературы. Скажу лишь, что, к сожалению, прав был Арон Яковлевич Гуревич, отмечавший тотальный отход российских (об украинских в этом плане можно вообще не упоминать) историков от базовых исследований социально-экономической природы феодализма как уникального феномена политического, идеологического, социально-экономического etc строя Средневековья. Что уже говорить о византинистике, в которой этот «отход» (не буду сейчас углубляться в его причины) еще более очевиден и болезнен. И где те вторые М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, которые смогут вернуть на должном современном научном уровне эти «вечные вопросы»?

Ограничусь в этом контексте двумя обширными, но, как мне кажется, важными цитатами. Первая из них принадлежит известному византинисту Михаилу Васильевичу Кривову, который анализирует взгляды Л. С. Васильева на всемирную историю и высказывает собственные соображения об Империи ромеев: «...Византия была государством, в котором господствовала командно-административная система, унаследованная от поздней Римской империи и получившая настолько полное развитие, что некоторые участники XVIII Международного конгресса византинистов, проходившего в Москве в августе 1991 г., сочли возможным говорить о Византии как о тоталитарном государстве. В самом деле, государство стремилось держать под своим контролем все стороны жизни подданных, которые были беззащитны перед произволом чиновников; неограниченной была власть императора, который сам со временем превратился в своеобразного заложника системы и раба веками выработанного придворного ритуала.

Принцип всеобщего равенства перед законом способствовал тому, что в Византии сословный строй так и не сформировался окончательно... С другой стороны, в конкретных византийских условиях всеобщее равенство оборачивалось общим бесправием подданных.

До сих пор в науке идут споры о том, какие черты определяли лицо византийского государства: европейские или восточные. Но как бы там ни было, командно-административная система в Византии мирно сосуществовала с рыночной экономикой. Более того, на определенном этапе первая в значительной степени стимулировала развитие последней... Однако впоследствии командно-административная система с ее мелочной опекой и регламентацией всех сторон хозяйственной жизни из прогрессивного фактора превратилась в тормоз экономического прогресса».

Вторая цитата — это наблюдения Г. Г. Литаврина над природой византийской администрации, бюрократии, государственного и общественного устройства и, тем самым, самой Византийской цивилизации в целом, в статье «Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии»:

«...аппарат власти империи находился в руках гражданской знати, которая основывала свое господство и благополучие на централизованных формах эксплуатации, распоряжаясь составленной из налогов и пошлин казной и укрепляя, в соответствии с этой целью, традиционные государственные институты. Она упорно игнорировала перемены в экономике и социальной структуре...

...в империи не столько богатство было предпосылкой получения власти, сколько власть — условием обретения богатства. Наверху иерархической пирамиды сановники были в сущности бесконтрольными.

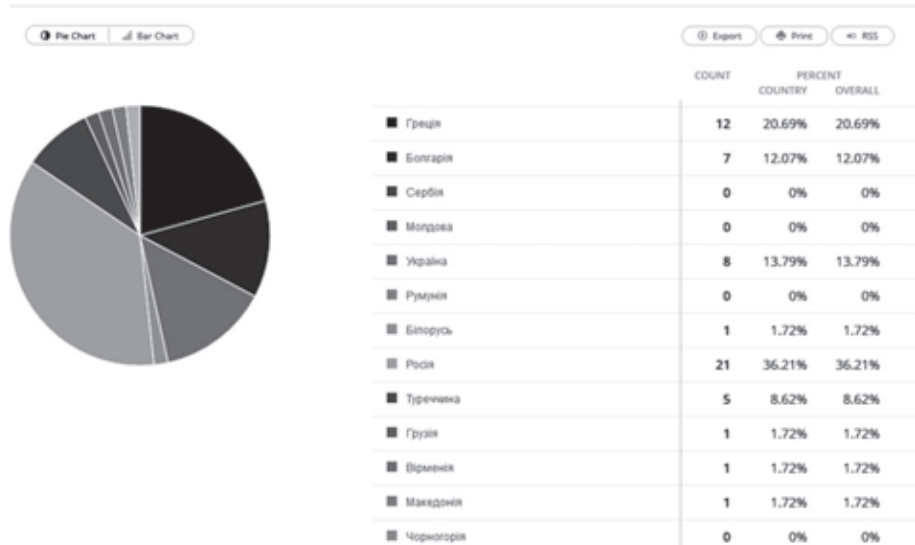
...Подданные лелеяли надежду на «добротого царя», полагая, что исполненных личных добродетелей государь сумеет накинуть узду на творящих беззаконие сановников, но императоры сами, сознавая свое бессилие перед сановным аппаратом, полагались, в свою очередь, только на моральные качества исполнителей своей воли.

...За фасадами официальных институтов, основанных на публично правовых нормах, в X—XI вв. оформилась отнюдь не афишируемая открыто система частных неформальных отношений, или негласных услуг самого различного свойства, — система фаворитизма и протекции, оказываемой из корыстных соображений — за взятку или за соответствующие услуги.

...Засилье бюрократии не следует идентифицировать с упрочением центральной власти; бюрократия скорее оборотная сторона чрезмерной цен-

Яка країна найбільшою мірою успадкувала візантійську традицію?

58

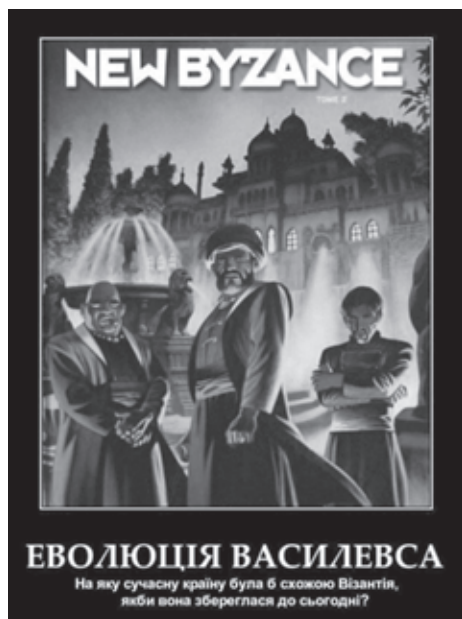

трализации власти и в известном смысле — даже ее отрицание: государственная система, функционирующая в соответствии с писанным законом, вырождалась в условиях господства бюрократии в систему официально творимого беззакония, целью которого становились в целом интересы не государства, а высшего звена чиновников».

Политархия Ю. И. Семенова, концепция власти-собственности и централизованной государственной редистрибуции Л. С. Васильева предстают перед нами в своем конкретно-историческом проявлении («Наблюдающиеся отклонения от «контрольных показателей» ... укладывались в рамки «стандартного разброса параметров»¹⁰).

Не правда ли, приведенные цитаты весьма узнаваемы на сугубо интуитивно-подсознательном уровне в контексте бывших советских (не об этом ли писал И. Бродский?) и нынешних российских (украинских) реалий, и вполне применимы для описания современного российского (украинского) государства и общества. У России есть, правда, еще идея имперскости, и не удивительно в связи с этим, что в опросе о том, какая страна в наибольшей степени унаследовала византийскую традицию¹¹, уверенно победила Россия, набрав 21 голос из 58 (на втором месте оказалась Греция (12 голосов), а третье, что особенно интересно, поделили между собой Украина и Болгария, набрав, соответственно, 8 и 7 голосов).

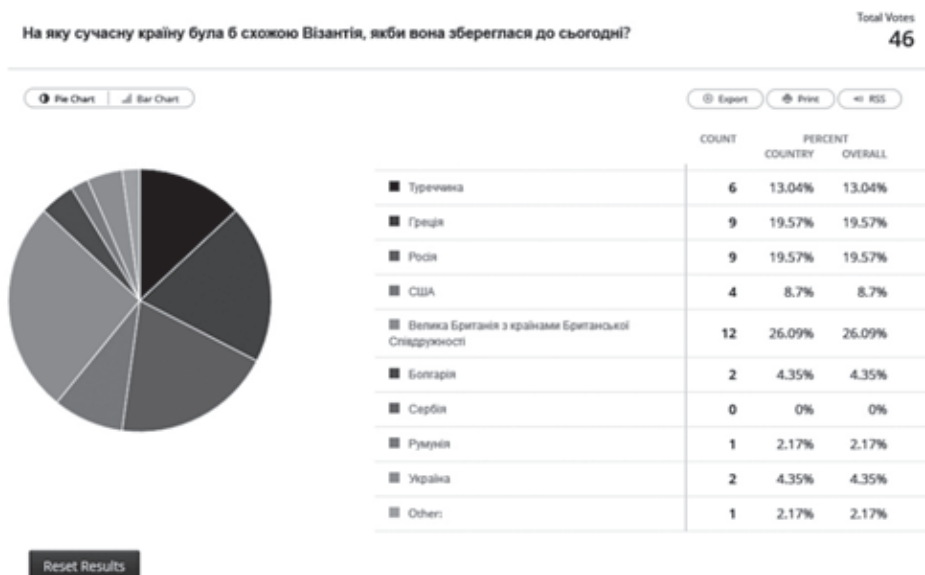
Крайне интересно в этом плане обратить внимание на то, что по итогам еще одного голосования, в котором спрашивалось, на какую страну была бы похожа Византия, если бы сохранилась до сегодняшнего дня¹², посетители сайта отдали предпочтение Великобритании

¹⁰ *Переслегин Сергей*. Последние корабли Свободного Поиска // Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров; Малыш: Фантастические романы. — М., 1999. — С. 5.

¹¹ СПАДОК ВАСИЛЕВСА. [Электронный ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/11/26/poll-2/>

¹² Еволюція Василевса. [Электронный ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2012/09/05/poll-9/>

вместе со странами Британского Содружества (12 голосов из 46-ти), тогда как Россия и Греция разделили второе место — по 9 голосов у каждой.

Однако что же западный взгляд на Византию? Неужели он до сегодняшнего дня остался все таким же отрицательным, которым его создали философы-просветители и Э. Гиббон в XVIII в.? Является ли показательной приведенная выше точка зрения А. Тойнби? Отнюдь нет. Уже с середины XIX в., а в особенности XX — начала XXI вв. взгляд на Византию существенно изменился. Постепенно сложилось понимание Европейской (Западной) природы Византии, ее органичного единства с западной цивилизацией. О многом говорит уже само название появившейся в 2009 г. книги Ларса Браунворта «Забытая Византия, которая спасла Запад», в которой автор утверждал: «Западная цивилизация находится в неизмеримом долгу перед городом на Босфоре».

Выдающийся польский иконописец и религиозный мыслитель Ежи Новосельский так характеризовал отношение Византии к Западу: «Византию нельзя отделить от Запада. Поскольку Византия, по крайней мере, в сфере средиземноморской культуры, от античности вплоть до времен падения Константинополя составляла, по сути, интегральное единство с Западом. ...христианский Восток и Запад — это было единство, как культурное, так и организационное, политическое и религиозное, и всякое другое. ...Византия — это единство с Западом, которое противопоставляется Ориенту... Одним словом, Византия — это Запад».

Еще лучше, хотя и с некоторыми важными отличиями, сказал об этом известный французский византист Жильбер Дагрон в блестящем эссе «Размышления византиста о Востоке Европы»: «Хотя вопрос о том, можно ли считать Византию частью Европы, периодически обсуждается, было бы, пожалуй, странно всерьез полемизировать об этом. Впрочем, не менее глупо отрицать за ней известную «европейскость»... На протяжении десяти с лишним столетий — от основания Константинополя в 330 г. до его завоевания Мехмедом II в 1453 г. — Византия, располагавшаяся в равной степени в Европе и в Азии, блистательно игнорировала фатальную разницу между двумя континентами, создав на этой основе уникальную политическую систему и культуру. Ее столица, выросшая на «правильной» стороне Босфора, была одновременно «Новым Римом» и «Новым Иерусалимом». Именно здесь велась тончайшая игра на противостоянии и взаимодополнительности Востока и Запада, Европы и Азии. «Экуменизм» Византийской империи вытекал не из претензий на мировое господство, но из желания размышлять о мире в его всеохватной целостности. Короче говоря, Византия была носителем идеи, о которой в наши дни не помешало бы помнить: невозможно представить великое будущее Европы, отрывая ее от Востока. ...Осознание этого могло бы уберечь Европу от главной опасности: стать просто Западом».

Украинские мыслители по отношению к Византии пошли своим путем, определенным спецификой национальной истории и национального сознания. Уже начиная с XIX в. оказалась весьма мощно представлена концепция восприятия Византии, которая продолжает дозвездеть над украинскими интеллектуалами по сей день. Вкратце она сводится к следующему логическому конструкту:

Тезис 1: Византийский = Имперский.

Тезис 2: Российский = Имперский

Синтез 1: Российский = Византийский.

Тезис 3: Имперский = Антидемократический.

Тезис 4: Украинский = Демократический.

Синтез 2: Имперский = Антиукраинский.

Итоговый синтез: Византийский (Российский) = Имперский (Антидемократический) = Антиукраинский.

Сокращенно: Византийский = Антиукраинский.

Как с исходными тезисами, так и с итоговым синтезом можно не соглашаться и нужно спорить (оговорюсь, что я с ними кардинально не согла-

сен), однако именно такой (представленный мною, конечно же, предельно схематично) взгляд на Византию укоренился в украинском восприятии. Уже Тарас Шевченко в середине XIX в. (одновременно с провизантийски настроенным иступленным славословом Империи Федором Тютчевым) писал, явно противопоставляя идею свободы (воли) и социальной справедливости и «византийству»:

Я не нездужаю, нівроку,
 А щось такеє бачить око,
 І серце жде чогось. Болить,
 Болить, і плаче, і не спить,
 Мов негодована дитина.
 Лихої, тяжкої години,
 Мабуть, ти ждеш? Добра не жди,
 Не жди сподіваної волі —
 Вона заснула: цар Микола
 Її приспав. А щоб збудить
 Хиренну волю, треба миром,
 Громадою обух сталить,
 Та добре вигострить сокиру,
 Та й заходиться вже будить.
 А то проспить собі небога
 До суду Божого страшного!
 А панство буде колихать,
 Храми, палати муровать,
 Любить царя свого п'яного,
Та візантійство прославлять,
 Та й більше, бачиться, нічого.

В плане выявления особого украинского взгляда на Византию следует обратить внимание на концептуальное эссе Ивана Лысяка-Рудныцького «Україна між Сходом і Заходом», в котором Византия названа одним из «Востоков», с которыми приходилось иметь дело Украине в течение ее истории. С другой стороны, в книге с аналогичным названием американский византинист украинского происхождения Игорь Шевченко, в свою очередь, подчеркивал, что «Византия (или, если хотите, Царьград) лежит не на восток, а на юг — или даже юго-запад — от Киева. Получается, что, имея в виду влияние Византии на Украину, мы должны говорить не о влиянии Востока, а части средиземноморской цивилизации. Но одновременно мы инстинктивно знаем, что Восток означает Византия, а Запад означает «Европа»».

Именно это «инстинктивное» знание, видимо, продолжает служить главной причиной того, что в украинской (около)политической и общепублицистской публицистике Византия, за крайне редким исключением, продолжает оставаться жупелом и чучелом для битья. Тексты и выступления таких известных авторов, как Мыкола Рябчук, Олег Покальчук, Оксана Забужко, Оксана Пахльовская (перечень можно продолжать), не оставляют в этом никаких сомнений. Византия для них — скорее символ, чем историческая реальность, очередной миф, удобный для публицистического использования. Не говорю уже о массовых высказываниях украинских политиков и публичных деятелей, в которых лексемы «византийщина», «повизантийски», «византийский» традиционно обозначают непубличность политики, подковерные интриги, коррупцию, продажность, предательство и прочие весьма характерные для (про)(около)властного паучьего паноптикума страны негативные явления. Обвиняют они преимущественно друг друга, не замечая бревна в своем глазу и символически перекладывая ответственность на ни в чем не повинную Византию. Рассмотрение и анализ всего спектра высказываний этих публичных деятелей о Византии — тема отдельного разговора, с множеством цитат и описаний отдельных ситуаций, в которых были сделаны те или иные заявления. Здесь же отмечу лишь, что по сугубо предварительным, но, как представляется, в целом репрезентативным наблюдениям, в российском политикуме (преимущественно провластном) с середины 2000-х гг. и особенно после выхода на экраны фильма «Гибель Империи. Византийский урок» (преьера состоялась на телеканале «Россия» 30 января 2008 г.) сугубо негативные упоминания «византийского» практически исчезли, сменившись преимущественно апологетикой Империи.

Из украинских же публичных интеллектуалов, например, Оксана Пахльовская, вполне в духе «Столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона утверждает, что именно порожденное Византией православное христианство является главной причиной того, что на Востоке Европы не может укорениться демократия, и противопоставляет Византию (Восток) Европе (Западу), постулируя, тем самым, тезис, что Византия — это не Европа («Finis Europaе: конфліктний спадок гуманістичного «Заходу» та візантійського «Сходу» в сучасній Україні»). «И действительно, если сегодня взглянем на контуры мира посткоммунистического кризиса — от Балкан до Черного моря, до Кавказа, — это и будет, собственно, карта «византийского» доминирования. Именно здесь не могут укорениться демократические институты, именно здесь происходят перманентные политические кризисы и военные конфликты. ... В этом и состоит радикальная разница между миром «византийским» (Востоком) и «европейским»

(Западом). В основе эволюции первого — симбиоз религиозной власти с политической..., в основе второго — разделение духовной власти и светской... ..на Западе пассивный объект истории, Подданный, стал активным ее субъектом — Гражданином, создавая базис демократической системы. На Востоке «раб Божий» был одновременно «царским холопом». Следовательно, не могла возникнуть свободная личность, а без свободной личности не мог родиться гражданин, а следовательно, и избиратель. Авторитарная империя преобразовывалась в коммунистический тоталитаризм без существенного изменения системы власти и положения человека в государстве».

В другом очерке («Україна: шлях до Європи... через Константинополь. Стаття перша. Историчний дуалізм давньої української літератури: Візантія чи Європа?») О. Пахльовская развивает те же концептуальные положения: «Киев, таким образом, — наследник двух «универсальных империй». Византийская «универсальная империя» вносит, однако, ряд догматических корректив в постулаты другой «универсальной империи» — Римской. Подвергается эволюции — не всегда позитивной — вся этико-эстетическая целостность римской цивилизации. «По дороге» из Рима в Константинополь творческая, раскрепощенная пантеистическая эстетика жизни застывает в статичную репрезентативную эстетику власти. Западное общество структурно формируется на основе индивидуальности, унаследовав идею личности еще от греческого полиса. Восточное же общество концептуализирует «больную» основу и основывает свое формирование на идее коллектива. Этика становится догмой, вера — церковью, а церковь — политической. Вот здесь и берет начало украинское горе».

Тем интереснее те редкие исключения среди украинских интеллектуалов, которые, подобно Андрею Окаре, пытаются представить более взвешенный взгляд на природу Византийской цивилизации. В своей статье «В окрестностях нового Константинополя, или восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосо-порядка» А. Окара пишет: «В конечном счете, жизнеспособность восточнохристианской цивилизации зависит от креативного потенциала и способности генерировать инновации в масштабе всей мир-системы, а не быть лишь реципиентом чужих влияний. Обретение субъектности восточнохристианской цивилизационной общностью имеет два измерения: геополитическое и геокультурное.

Геополитическое предполагает создание геополитической «проекции» цивилизационной общности в формате военно-политического или экономического союза — своеобразного «Поствизантийского Содружества Наций» (термин Димитрия Оболенского).

...Геокультурное измерение восточнохристианской общности предполагает формулировку, конструирование и популяризацию универсального сверхмодернизационного миростроительного проекта, соизмеримого по масштабу с Большим Модерном или коммунизмом как проектом альтернативной модернизации. И уникальность подобного проекта может заключаться в специфической новой антропологии, в новой онтологии, в попытках формулировать новый дискурс социальности.

В свое время Византийская империя — прямая предшественница нынешней восточнохристианской цивилизации — достаточно длительное время была генератором социального и культурного развития для всей Европы. Россия же и иные цивилизационно близкие страны на протяжении последних трех с половиной веков сосуществовали с Западом в реактивном формате: западный вызов — восточный ответ. Подобная асимметрия отношений свидетельствует о недоразвитой субъектности у восточнохристианской общности. Однако нынешнее состояние размывания Модерна и глобальной турбулентности дает возможность на глобальном уровне реализовывать социальные инновационные проекты даже самым маргинальным субъектам: фигурально выражаясь, последние обрели шанс оказаться первыми».

В подобном ключе весьма оригинальными и вследствие этого привлекательными выглядят попытки нетрадиционного взгляда на Византию, такие, как, например, в статье Александра Литвиненко «Візантійський орел — символ «оксамитових» революцій», опубликованной, к слову сказать, 7 декабря 2004 г., в самый накал начала Оранжевой революции: «Интересный феномен: на протяжении 1997—2004 гг. состоялся ряд успешных и не вполне «бархатных» («цветочных») революций в странах Восточной и Южной Европы. Демократия победила в Болгарии, Сербии, Грузии, и, скорее всего, в Украине, и потерпела поражение в Беларуси и частично в Армении. Разные по размерам, геополитическому положению, исторической судьбе и политическим системам, эти страны объединяет только одно — доминирующая православная (и близкая к ней армянская) традиция и в целом принадлежность к так называемому поствизантийскому культурному кругу. Именно посланцы Константинопольского Вселенского патриарха обратили эти народы в свое время в христианство, и именно Базилевс и Империя Ромеев в целом сформировали политические традиции. Именно они принесли на наши просторы основные политические идеи и категории. Со времени падения Царьграда минуло уже более 550 лет, но орлы Константинополя, согласно образному выражению одного из коллег, все еще парят в нашем небе. Парадоксально, но именно волна «цветочных» революций позволила увидеть призрак этих давних и удивительных птиц и услышать их почти угасший в высоте клекот.

Почти общие по задачам, движущим силам и сценарию, такие революции состоялись одновременно в историческом измерении исключительно лишь в поствизантийских странах, но пока не во всех...

...народное стремление к Справедливости — основа политической ментальности поствизантийских социумов.

Именно за Правду, за возобновление поруганной справедливости выступили люди в Белграде, Софии, Тбилиси и Киеве. И уже не важно, действительно ли состоялось это поправление, или же представление о нем было сформировано при помощи современных коммуникативных технологий... ограниченное буржуазно-демократическое движение за гражданские права сдетонировало с архетипами массового сознания — и началось...».

Видимо, украинским интеллектуалам давно пора бы выработать свой, независимый прежде всего от (нео)имперского российского, но и от (нео)либерального западного подходов взгляд на природу Византийской цивилизации. И что-то мне подсознательно подсказывает (по крайней мере, в это очень хочется верить), что этот украинский взгляд на Византию может оказаться весьма и весьма перспективным во многих аспектах — от понимания природы Византийской цивилизации до видения будущего стран «византийского культурного круга».

К сожалению, до сих пор в восприятии большинства украинских интеллектуалов «миф Византии» продолжает оставаться преимущественно негативным и сугубо внешним, анти-украинским. Не в этом ли причина того, о чем в свое время говорил в одном из интервью Игорь Шевченко, отмечавший, что он «не почувствовал субъективной потребности между своими знакомыми или другими докладчиками проследить эти византийско-украинские связи»? Об этом же не так давно сожалела в интервью газете «День» Наталия Яковенко: «Мне это кажется огромным упущением, потому что в Украине не развивается, не культивируется анализ тех связей и того большого культурного контекста, в который была втянута Русь с перспективы византийской политологии. Киевская Русь сформировалась под знаком византийской культуры, цивилизации, духовности, церкви и т. д. Этим вопросам посвящена богатейшая литература. ...это международная проблема. Но, к сожалению, она именно международная, а не украинская».

Как тут не привести цитату из уже упомянутого интервью Игоря Шевченко: «Византия была не только многонациональным государством, но страной, которая имела громадное влияние на целый ряд культур — на южноитальянскую, сирийскую, армянскую, южнославянскую и восточнославянскую. И на восточнославянскую она имела влияние от — представьте себе! — IX и до XVIII веков. Под византийским влиянием пребывала Русь-

Украина, этому же влиянию были подвержены Петр Могила и Епифаний Славинецкий, и даже — хотя он этого не знал, поскольку думал, что он находится под польским влиянием, — гетман Мазепа. Следовательно, в этом разрезе я украинист, и возможно, это моя перспектива. Мне дает некоторое преимущество перед другими украинистами то, что я вижу вещи в общей перспективе...».

Это возвращает нас, прежде всего, к трем уже упоминавшимся традиционным фундаментальным компонентам византийской истории — римской государственности, древнегреческой культуре и ортодоксальному христианству — в попытке понять, что же было главным цивилизационным стержнем Византии.

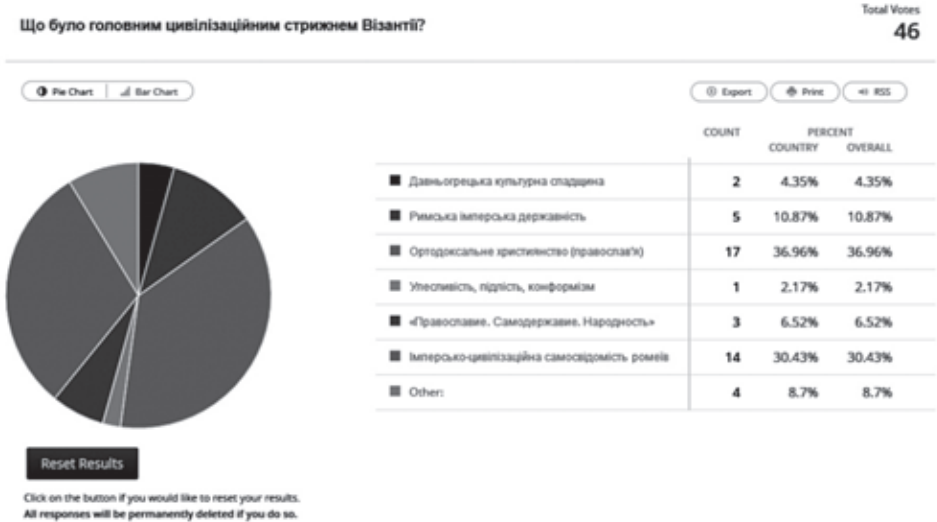
В этой лекции у нас нет возможности не то чтобы сколько-нибудь подробно рассмотреть основные параметры возникновения, формирования, функционирования и эволюции Византийской цивилизации, но даже кратко перечислить их (заинтересованных отсылаю, прежде всего, к новейшим доступным русскоязычному читателю исследованиям К. В. Хвостовой). Поэтому ограничимся приведением данных очередного опроса на сайте «Василевс» («Что было главным цивилизационным стержнем Византии?»¹³).

* * *

Как видим, в том или ином обличье, «Призрак «убиенной Византии» не прекращает свои стенания вот уже пять с половиной столетий, являясь вновь и вновь...» (С. Б. Сорочан). Призрак бродит по Европе, призрак... Византии. «A ghost haunting Europe» — такими словами назвала Сильвия Ронче эпилог к своему пленарному докладу на 22-м Международном конгрессе византийских исследований (София, Болгария, 22—27 августа 2011 г.). При этом английское «haunting» — это еще и «преследующий»,

¹³ Що було головним цивілізаційним стержнем Візантії? [Електронний ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/12/11/poll-4/>; см. стр. 48.

«навязчивый», «западающий в память»... Навязчиво и неизбежно запавший в память призрак Византии бродит по Европе, преследует ее и охотится на нее. И увидеть его можно в совершенно неожиданных проявлениях — в стихах У. Б. Йейтса и К. Кавафиса, О. Мандельштама и Ю. Ивасика, геополитических идеологических построениях современных политтехнологов и компьютерной игре-стратегии «Византия» из серии «Европа III», мысленном эксперименте «Задача византийских генералов», новом «вампирском» художественном фильме «Византия» режиссера Нила Джордана, «византийских» коллекциях модной одежды Chanel Métiers D'Art Pre-Fall 2011 Карла Лагерфельда и Dolce & Gabbana осень—зима 2013—2014 Доменико Дольче и Стефано Габбана... Византия продолжает оставаться образцом для подражания или пугалом для поношения, но, в любом случае, о ней помнят, плодя все новые мифы об этой несомненно выдающейся средневековой цивилизации.

Плавание к окутанным маревом призрачных грез берегам этого мифа о Византии с целью составить точные лоции и безопасные маршруты между Сциллой бездумного почитания и прославления и Харибдой гиперкритичной хулы и поношения — это, вне всякого сомнения, достойная задача для современного исследователя. Как отмечал Игорь Шевченко в совершенном по форме и содержанию эссе «Восприятие Византии»: «...перцепция прошлого в представлениях современных византинистов, как и любых других ученых-историков, обусловлена их перцепцией настоящего. Этого обстоятельства обусловленности не избежать, и долг и ответственность

профессионального — и начинающего — ученого понять это, примириться с этим, использовать по мере своих сил и избежать его ловушек. Это — тяжелая обязанность, ибо образ Византии, который каждый из нас увидит перед собой, в конечном счете, будет зависеть от усилий профессиональных византинистов».

Посвященное образам Византии в творчестве трех выдающихся поэтов XX в. — Уильяма Батлера Йейтса, Константина Кавафиса и Иосифа Бродского — это эссе, в целом, рассказывает о восприятии Византии в современной культуре вообще. И. Шевченко подытоживает: «Йейтс видел Византию извне, Кавафис — изнутри, а Бродский почти совсем ее не видел». Следует признать, что подобным образом и тот, кто необдуманно восхваляет, и тот, кто предвзято критикует Византию и все византийское, в подавляющем большинстве случаев «почти совсем» не видят ее, точнее — видят не ее, а один из вариантов удобного для их системы взглядов мифа о ней.

Видимо, чтобы понять Византию, мало совершить плавание «в край священный Византии», нужно еще и суметь покинуть его, чтобы, уже познав изнутри, взглянуть еще и со стороны. Это может быть непростой задачей, потому что попавший под чары византийской прелести зачастую «пренебрег / Шедеврами, что создал интеллект», и стремиться остаться в византийском мире навеки. Однако не следует забывать — «That is no country for old men».

Видимо, абсолютно прав талантливый литературовед и переводчик, в том числе и стихотворений Уильяма Батлера Йейтса, Григорий Кружков, утверждавший, что стихотворение «Византия», «судя по последней строфе», «можно было бы назвать «Бегством из Византии». В нем Поэт «уже приплыл туда, куда стремился, и что же? Все оказалось совсем не так, как в мечтах; вместо уютного кабачка он попадает на ночные страшные улицы, вместо мудрого художника-субутыльника перед ним — какая-то неотвязная жуткая тень, вроде мертвеца или мумии». Не является ли это плывущее перед поэтом «виденье, муж ли, тень, / Тень более, чем муж, видение — чем тень» — «призраком «убиенной Византии»», который «не прекращает свои стенания вот уже пять с половиной столетий, являясь вновь и вновь», образом того «края священного Византии», который оказался, при непосредственном в него погружении, отнюдь не таким прекрасным, каким казался извне?

Впрочем, кое-что оказалось вполне ожидаемым: «страна та» действительно оказалась «не для старца». Поэт, надеявшийся найти в ней гармонию искусства и общества, «убедился, что никакой гармонии нет, и он бросается вместе со своими собратьями-мастерами в море, чтобы божест-

венные дельфины унесли его в край, далекий от грязи и крови этого мира». «Страна та не для старца», утверждает, таким образом, У. Б. Йейтс в первой строке стихотворения «Плавание в Византию» и бросается в «Изорванную гонгом и дельфином, в лохмотья истерзанную пучину» в последней строке поэмы «Византия», чтобы покинуть ее оказавшиеся лишенными «гармонии искусства и общества» пределы.

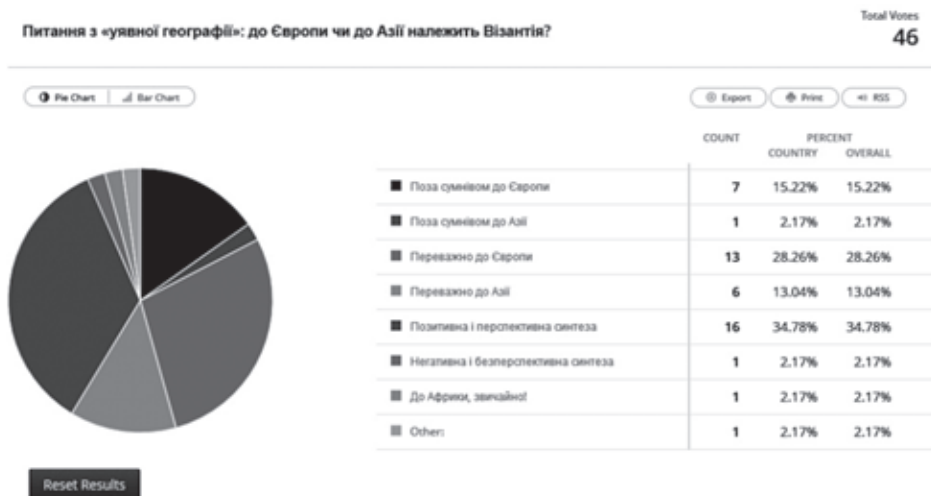

Куда же направляется бегущий из Византии Поэт? И не будет ли это новое путешествие путем не только (не столько!) в пространстве физико-географическом или даже темпорально-временном, сколько в ментально-географическом, символическом, в пространстве идей тех шедевров, «что создал интеллект», которыми пренебрег тот, «кто музой чувств охвачен»? Было ли (является ли) таким уж «непреодолимым» то кардинальное различие между Востоком и Европой,

попыткой преодолеть которое и была Византия? Прав ли Л. С. Васильев, утверждающий, что «...принципиальное структурное различие между традиционным Востоком и Европой было непреодолимым. Несколько раз самой историей ставились эксперименты по ее преодолению. Первым можно считать период эллинизации Ближнего Востока, растянувшийся примерно на тысячелетие, от Александра до Мухаммеда, вторым — статус ориентализовавшейся Византии, в средние века все очевиднее сближавшейся с традиционным Востоком. В обоих случаях победителем выходила традиционно-восточная структура»?

Как видим, в опросе «к Европе или к Азии принадлежит Византия?»¹⁴ из 46 ответивших 16 определили ее как пример позитивного и перспективного синтеза, еще 13 ответивших отнесли ее преимущественно Европе и еще 7 — исключительно к Европе. Комментарии, полагаю, излишни, поскольку цифры говорят сами за себя. Не была ли именно Византия тем «золотым сечением» соотношения Запада и Востока, Европы и Азии, которое способно дать нам по меньшей мере символический пример примирения и взаимодействия несовместимых, на первых взгляд, начал? Не

¹⁴ Питання з «уявної географії»: до Європи чи до Азії належить Візантія? [Електронний ресурс. Назва з екрану]. Режим доступу: <http://byzantina.wordpress.com/2011/12/04/poll-3/>

об этом ли писал Ж. Дагрон, отмечая, что «Византия, располагавшаяся в равной степени в Европе и в Азии, блистательно игнорировала фатальную разницу между двумя континентами, создав на этой основе уникальную политическую систему и культуру»? И не здесь ли были «матерние органы Европы»?

Вероятно, именно поэтому в Византийской цивилизации существовало представление о порядке-таксисе гармоничного единения противоречивых начал бытия. Как пронизательно замечал Сергей Сергеевич Аверинцев в статье «Порядок космоса и порядок истории», «для византийской культуры представление о мировом бытии в пространстве и времени было связано, прежде всего, с идеей порядка. Само слово «космос» означает «порядок». Изначально оно прилагалось либо к воинскому строю, либо к государственному устройству, либо к убранству «приведшей себя в порядок» женщины и было перенесено на мироздание Пифагором, искателем музыкально-математической гармонии сфер. В философской литературе слово это выступает в контексте целого синонимического ряда — «диа-космесис», «таксис» и так далее, — объединенного идеей стройности и законосообразности». Видимо, эту определяющую, системообразующую черту Византийской цивилизации интуитивно, гением своего художественного воображения, постиг У. Б. Йейтс, замечавший, что в Византии даже «Satan always the still half divine Serpent, never the horned scarecrow of the didactic Middle Ages» («Сатана завжди був ще напів-Божим Змієм, ніколи не ставши рогатим опудалом зверхньо дидактично-менторсько-моралізаторського Середньовіччя»).

* * *

В литературе весьма распространено сравнение Константинополя и, шире, Византии, с мостом между двумя мирами — Европой и Азией, Западом и Востоком. Сегодня, после завершения строительства подводного железнодорожного тоннеля под проливом Босфор, построенного в рамках проекта «Мармарай» для соединения европейской и азиатской частей Стамбула, эта метафора может быть весьма существенно дополнена. Общая протяженность тоннеля — 13,6 км (из них 1,4 км — под водой), самый глубокий его участок находится на глубине 60 метров от поверхности залива. Византия в этом контексте является не столько конструктом, наброшенным поверх двух эфемерно связуемых лишь ею миров, сколько подпольем, основанием, базисом, фундаментом (на украинском это звучит явно полифоничнее в данном контексте — «підвалини», «підгрунтя», «підмурівок») для них обоих. И, таким образом, она демонстрирует их неразрывное единство и целокупность. Хотя, с другой стороны, не является ли она червоточиной, разъедающей оба мира изнутри, которые, вследствие этого, никак не могут исцелиться, будучи зараженными тлетворными метастазами друг друга? Вспомним, что уже в первые же сутки работы после начала движения поездов 29 октября 2013 г. в тоннеле произошло отключение электричества и пассажирам пришлось выбираться из него самостоятельно.

В любом случае, эта «subterranean dialectic» («подземная диалектика») (использую словосочетание Сильвии Ронче), неизбежно присутствует в византийских штудиях современности, ведь, согласно справедливому замечанию исследовательницы, «византиноведение теперь более, чем когда-либо, является частью *Zeitgeist* (нем. «дух времени» — А. Д.). Восстановление памяти народов, вошедших на сегодняшний день и продолжающих идти (*в Европу?* — А. Д.), о том, что Европа, для создания которой так много сделала Византия, возрождение общего прошлого посредством изучения общего византийского знаменателя, могут быть и должны стать сильной стороной нашей дисциплины».

Путешествие в мире «ментальной географии», как видим, возможно и даже необходимо в рамках Византии и вместе с Византией, и то, где в итоге окажется на ментальной карте цивилизационного пространства ее образ, будет определять одновременно и координаты того места, в котором, в итоге, находимся мы сами. Именно «тяга к проницанью / В искусно созданное вечности панно» заставляет тосковать обличенное «в смертной твари тлен» сердце особой тоской — тоской (само)познания и (само)понимания, поиском того «фундаментального компонента» — основы, на которой жила цивилизация Византии и продолжает стоять восточнохристианская цивилизация.

Не подобным ли образом тоскует и поступает и главный герой романа Умберто Эко «Бaudолино» (перевод Елены Костюкович)?

«— Так что, ты уезжаешь? — спросил Никита.

— Да, — тот ответил. — Пока я стоял на столпе, я многое понял. Я понял, что я грешил, но никогда ради богатства и славы.

...

— Понадобятся долгие, долгие годы, чтобы дойти до той страны и двинуться дальше нее!

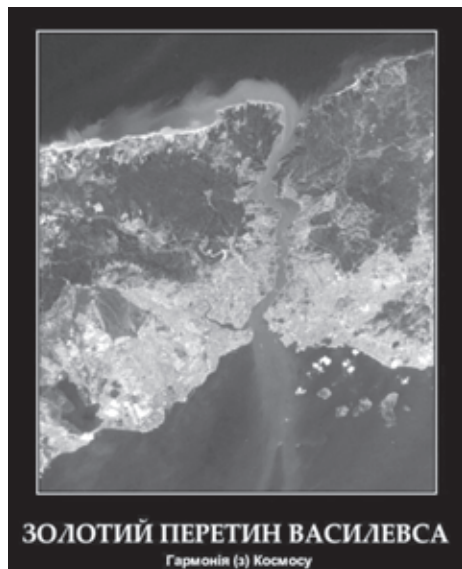
— У наших фрasketских, учти, лоб тверже, нежели хвост.

— Кто поручится, что ты доживешь до окончания пути?

— В путешествии молодеют.

Ничто не помогало. На следующий день Баудолино обнял Никиту и все Никитино семейство, а также хозяев дома. С кряхтеньем забрался в седло, таща за собой мула, груженного припасами, к седлу был привешен тяжелый меч.

Никита проводил его взглядом докуда было видно, как он все с ним прощается рукой, не оборачиваясь, устремленный в края...».

Astraddle on the dolphin's mire and blood,
 Spirit after Spirit! The smithies break the ood.
 The golden smithies of the Emperor!
 Marbles of the dancing oor
 Break bitter furies of complexity,
 Those images that yet
 Fresh images beget,
 That dolphin-torn, that gong-tormented sea.

William Butler Yeats. Byzantium

Дельфіна кров і бруд узявши в повід,
 За духом дух! Ламають кузні повинь,
 Ті кузні імператора златі!
 Підлоги танець в мармуру плиті
 Здолає лютість заскладного горя,
 Ті марева, які ще
 Нові видіння кличе,
 Дельфіном рване, билом бгане море...

Вільям Батлер Єйтс. Візантія
 (переклад Андрія Домановського)

Дельфиньи грязь и кровь верхом седлав
 За Духом Дух! В поток, из кузниц, вплавь...
 Из императорских кова́лен злата — вот причина!
 Танцующего мрамора возможность
 Исторгнуть смыслов горьких многосложность,
 Видений рой кружится неземных
 Извлечь поможет свежесть новизны
 Изорванная гонгом и дельфином,
 в лохмотья истерза́нная пучина...

Уильям Батлер Йейтс. Византия
 (перевод А. Н. Домановского)

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С. Другой Рим. — СПб., 2005.
- Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1997.
- Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / Пер. с англ. — М., 2007.
- Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. — М., 2007.
- Бадьора Н. І. Соціальна структура Візантійської імперії та особливості української культурно-політичної ментальності [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Culturology/uvuk/Bizantium.html>
- Бардола К. Ю. Система оподаткування у Візантії в IV—IX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 2003.
- Бачинин В. Ф. И. Тютчев и Николай I: прожект неовизантийской империи [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1334>
- Браунворт Л. Забытая Византия, которая спасла Запад. — М., 2012.
- Безобразов П. В. Очерки византийской культуры. — Пгг., 1919.
- Беспалова Н. Византия — мёртворождённая империя? // Наука и техника. — 2007. — №5 (12). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://byzantina.wordpress.com/2011/02/11/bespalova/>
- Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. — СПб., 2008.
- Васильев А. А. История Византийской империи: В 2 т. — СПб., 1998. — Т. 1—2.
- Византийская цивилизация в освещении российских ученых: Сб. ст.: В 2-х тт. / РАН. Ин-т всеобщей истории. — М., 1999. — Т. 1: (1894—1927); Т. 2: (1947—1991).
- Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. — М., 2000. — С. 96—114.
- Васильев Л. С. Всеобщая история в 6 тт. — Т. 2. Восток и Запад в средние века. — М., 2007.
- Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М., 1982. — С. 60—99.
- Византийский таксис // История мировых цивилизаций. Доиндустриальная эпоха / Авторы: Еманов А. Г., Дрябина Л. А., Галкин В. Т. — Тюмень: Лаборатория мультимедиа ТюмГУ, 2003. (CD-ROM).
- Візантія і Захід / Збігнев Подгужец розмовляє з Юрієм Новосільським // Ї. Незалежний культурологічний часопис. — 1996. — № 7. — С. 4—47.
- Византия после Византии / Беседа с Г. Г. Литавриным; беседу вела Т. А. Николаевская // Наука в России. — 1992. — № 1—2. — С. 4—12.
- Власто А. П. Запровадження християнства у слов'ян: Вступ до середньовічної історії слов'янства. — К., 2004.
- Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. — Львів, 2011.

- Второй Рим глазами Третьего: Эволюция образа Византии в российском общественном сознании (лекция Сергея Иванова) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/04/14/vizant/>
- Выдрин Д. Византийский геном украинской элиты [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vydrin.com/publications/articles/?id=96>
- Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. — СПб., 1997—2000. — Ч. 1—7.
- Гийу А. Византийская цивилизация / Пер. с фр. — Екатеринбург, 2005.
- Головко О. Б. Давня Русь у системі Byzantine Commonwealth // Східний світ. — 2003. — № 1. — С. 44—59.
- Головко О. Б. «Імперія ромеїв» в уявленнях давньоруських мислителів // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. — Вип. 7. — К., 2000. — С. 250—262.
- Грыжанкова М. Ю. Ранний византизм как феномен средневековой культуры: (Опыт социально-философского анализа). — Саранск, 2002.
- Гуревич А. Я. История историка. — М., 2004.
- Дагрон Ж. «Восточный цезаропапизм» (история и критика одной концепции) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. — М., 1999. — С. 80—99.
- Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезаропапизме» / Пер. и науч. ред. А. Е. Мусина. — СПб., 2010.
- Дагрон Ж. Размышления византиниста о Востоке Европы // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. — М., 2003. — С. 529—539.
- Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX—XII вв.) / Пер. О. А. Власовой // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. — М., 1999. — С. 160—193.
- Дашков С. Б. Императоры Византии. — М., 1997.
- Дзярнович О. Сны о Византии: место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. — 2008. — № 1. — С. 38—60.
- Довкола ікони. Розмови з Єжи Новосельським / Збігнєв Подгужець // Памятки України: історія та культура. — 1998. — № 1.
- Домановський А. Н. ...иду захищати Византию... // Дриновський збірник. — Т. 5. — Харків; Софія: Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова, 2012. — С. 453—457.
- Домановський А. Н. Что знаем мы о Византии? // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2011. — № 982: Сер. «Історія». — Вип. 44. — С. 246—257.
- Домановський А. М. 4,5 літри пугівника парадигмами Візантійської цивілізації // Методичний вісник історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — Харків, 2012. — № 10. — С. 119—127.
- Домановський А. М. Відтворення віртуальної Візантії, або Василевс. «De administrando «Візантійською цивілізацією» засобами Інтернету» // Методичний вісник історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — Харків, 2012. — № 10. — С. 7—19.

- Домановський А. М. Державний контроль та регулювання торгівлі у Візантії IV—IX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — Харків, 2007.
- Домановський А. Плавання до Візантії Океаном Ігоря Шевченка // Схід—Захід. Історико-культурологічний збірник. — Випуск 13—14: Спец. вид.: Історична пам'ять і тоталітаризм: досвід Центрально-Східної Європи. — Харків, 2009. — С. 420—422.
- Домановський А. Українська візантиністика: співпраця у мережі. Авторська колонка на сайті <http://historians.in.ua> [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://historians.in.ua/index.php/avtorska-kolonka/418-andrii-domanovskyi-ukrainska-vizantynistyka-spivpratsia-u-merezhi>
- Домановський А., Чекаль О. Влада віри Візантії у Нью-Йорку // Схід—Захід: Історико-культурологічний збірник. — Випуск 8: Спеціальне видання: Порубіжжя. — Харків; Київ, 2006. — С. 248—268.
- Донченко О., Романенко Ю. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення). — К., 2001.
- Дугин А. Русская Вещь. Очерки национальной философии. — М., 2001.
- Захарченко В. Память сердца. Исторические записки. — Харьков, 2003.
- Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? — М., 2003.
- Иванов С. Византия. — М., 2001. (Что есть что).
- Иванов С. А. Византиноведение и власть в СССР (1928—1948) // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. — М., 1995. — С. 244—254.
- Ісіченко І. Східна християнська ідентичність як чинник цивілізаційного вибору України [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://risu.org.ua/article_print.php?id=40163&name=society_digest&_lang=ua&
- Каграманов Ю. Вперед к новой Византии? // Дружба народов. — 2001. — № 2. [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/2/kag.html>
- Каждан А. П. Византийская культура (X—XII вв.). — М., 1968. (2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1997).
- Каждан А. Марксизм и податной способ производства // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. — М., 1999. — С. 104—117.
- Каждан А. П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. — 1966. — № 6. — С. 52—64.
- Каждан А. П. Трудный путь в Византию // Мир Александра Каждана: к 80-летию со дня рождения. — СПб., 2003. — С. 486—502.
- Кантор В. Иная Европа Федора Тютчева // Вестник Европы. — 2004. — № 12. [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/12/ka21.html>
- Каплан М. Византия. — М., 2011. (Гиды цивилизаций).
- Каплан М. Золото Византии / Пер. с фр. Ю. Розенберг. — М., 2002.
- Карпов С. Византийские уроки // Культура. Духовное пространство русской Евразии [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/5103-vizantiyskie-uroki/>
- Когда и как вспоминают Византию // Наука и религия. — 2008. — № 3. — С. 6—11.

- Кривов М. В.* О новой концепции всемирно-исторического процесса // Преподавание истории в школе. — 1994. — № 1. — С. 11—15.
- Кружсков Г. М.* Византийские стихи Йейтса и Мандельштама // *Кружсков Г. М.* У. Б. Йейтс: Исследования и переводы. — М., 2008. — С. 247—266.
- Кузенков П.* Византия как попытка нравственного государства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rossiyanavsegda.ru/read/1011/>
- Кузенков П.* Политика и «полития» в византийской традиции. Журнал Московской Патриархии. 7 июля — 15 июля 2011 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.e-vestnik.ru/history/politika_i_politiya_3281/
- Кульчинський О.* «Візантія» української літератури: як далеко втекли наші митці від азійських? // Українська літературна газета. — 23 вересня 2011 р. — № 19 (51). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litgazeta.com.ua/node/2249>
- Курбатов Г. Л.* История Византии. Историография: Учебное пособие. — Л., 1975.
- Кутузов Б.* Византийская прелесть как внутренняя причина «реформы» и раскола XVII века. — М., 2003.
- Лемерль П.* История Византии / Пер. Т. Пошерстник (с. 3—104); *Кицикис Д.* Османская империя / Пер. Б. Павлов (с. 105—220). — М., 2006.
- Леонтьев К.* Византизм и славянство. — М., 2001.
- Лидов А. М.* Что нам Византия? А. М. Лидов отвечает на вопросы читателей «ТД» // Татьянин день. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1212648.html>
- Лидов А. М.* Что нам Византия? Часть 2. Лик и маска Византии // Татьянин день. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1222480.html>
- Лиман С. И.* Идеи в лагах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 — первая половина 1880-х гг.). — Харьков, 2009.
- Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). — СПб., 2000.
- Литаврин Г. Г.* Византия и Русь // Наше наследие. — 1992. — № 25. — С. 3—4.
- Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. — М., 1974. (СПб., 2000).
- Литаврин Г. Г.* Одиннадцатое столетие — «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. — М., 1992. — Ч. 1. — С. 122—134.
- Литаврин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI—X вв. // ВВ. — 1985. — Т. 46. — С. 100—108.
- Литвиненко О.* Візантійський орел — символ «оксамитових» революцій // День. — 7 грудня 2004 р. — № 223. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/panorama-dnya/vizantiyskiy-orel-simvol-oksamitovih-revolyuciy>
- Лозовик Г.* Десять лет русской византологии (1917—1927) // Историк-марксист. — 1928. — Т. 7. — С. 228—238.
- Ломбар Ж.* Византия: Роман / Пер. с фр. — М., 1995.
- Любарский Я. Н.* Византийская цивилизация непредубежденным взглядом (три книги А. П. Каждана о Византии) // Вопросы истории. — 1990. — № 3. — С. 174—180.
- Люттвак Э.* Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А. Н. Коваля. — М., 2010.

- Мажеска Дж.* Царьград: образ Византии в русском средневековом фольклоре // ГЕННАΔΙΟΣ: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. — М., 1999. — С. 118—128.
- Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. — СПб., 2001.
- Муза Д. С.* Східнохристиянська цивілізація: соціокультурний устрій та ідентичність. — Донецьк, 2009.
- Норвич Д.* История Византии / Пер. с англ. — М., 2010.
- Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. — М., 1998.
- Окара А.* В окрестностях нового Константинополя, или восточнохристианская цивилизация перед лицом новейшего мирового хаосо-порядка. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://strateger.net/Andrej-Okara_V_okrestnostyax_novogo_Konstantinopolya#contin
- Орешкова С. Ф.* Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. — СПб., 2001. — С. 474—494.
- Острогорський Г.* Історія Візантії. — Вид. 3-є, доп. / Перекл. с нім. А. Онишко. — Львів, 2002.
- Пахльовська О.* Україна: шлях до Європи... через Константинополь. Стаття перша. Історичний дуалізм давньої української літератури: Візантія чи Європа? // Сучасність. — 1994. — № 1. — С. 54—58.
- Пахльовська О.* Україна: шлях до Європи... через Константинополь. Стаття друга. Соціум та особистість в українській культурній ментальності: концепція, конфлікт, еволюція // Сучасність. — 1994. — № 2. — С. 101—116.
- Пахльовська О.* Finis Europae: конфліктний спадок гуманістичного «Заходу» та візантійського «Сходу» в сучасній Україні // Сучасність. — 2007. — № 10. — С. 75—87; № 11—12. — С. 51—73.
- Певний Б.* Слава Візантії // Сучасність. — 1997. — № 3. — С. 154—158.
- Певний Б.* «Слава Візантії»: реакції та рефлексії // Сучасність. — 1998. — № 10. — С. 139—144.
- Петросян Ю. А.* Русские на берегах Босфора. — СПб., 1998.
- Петрунин Ю. Ю.* Возрождение Византии: Интернет-проект // Высшее образование в России. — 2002. — № 2. — С. 116—117.
- Петрунин Ю. Ю.* Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. — М., 2006.
- Пигулевская Н. В.* Византия и Восток // Византия и Восток (Палестинский сборник. — Вып. 23 (86)). — Л., 1971. — С. 3—16.
- Подгужец З.* Розмови з Єжи Новосельським про мистецтво. — К., 2011.
- Поляков Ф. Б.* Византийские образы в эсхатологической концепции культуры Юрия Иваска и поэта Осипа Мандельштама // Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии. — Т. 1 (1998). — М., 2001. — С. 387—389.
- Поляковская М. А.* Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития // АДСВ. — 1999. — Вып. 30. — С. 26—37.
- Поляковская М. А.* Византия, византийцы, византилисты. — Екатеринбург, 2003.

- Поляковская М. А.* Интерпретация понятия «византизм» в русской научной литературе конца XIX — начала XX в. // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений 24—27 августа 1997 г. — Екатеринбург, 1997. — С. 43—45.
- Поляковская М. А.* Homo Byzantinus в условиях византийской общественно-государственной структуры: нравственно-психологический аспект проблемы // *Поляковская М. А.* Византия. Византийцы. Византинисты. — Екатеринбург, 2003. — С. 187—195.
- Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. — Свердловск, 1989.
- Попов Н. Г.* Заслуги Византии перед Европой. Чтения для московских фабрично-заводских рабочих. — М., 1905.
- Профессор Сергей Иванов: «Русская власть взяла себе из Византии только цапки». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://argumentua.com/stati/professor-sergei-ivanov-russkaya-vlast-vzyala-sebe-iz-vizantii-tolko-tsatski>
- Райс Дэвид Т.* Византийцы. Наследники Рима / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. — М., 2003.
- Райс Тамара Т.* Византия. Быт. Религия, Культура / Пер. с англ. О. О. Дмитриевой. — М., 2006.
- Резников А. В.* Византия и Украина: генезис взаимоотношений // Вісник Луганського інституту внутрішніх справ МВС України. Науково-теоретичний журнал. — 2001. — Вип. 3. — С. 8—22.
- Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия / Пер. с англ. — М., 1998.
- Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. — М., 1917. (СПб., 1997).
- Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. — Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. — М., 1997.
- Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. — Вып. 2. История первобытного общества. — М., 1999.
- Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. — Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. — XX в. н. э.). — М., 2001.
- Семенов Ю. И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. — М., 2008.
- Скабаланович Н. А.* Византийское государство и Церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2-х кн. — СПб., 1884. (СПб, 2004. — Кн. 1—2).
- Смотр сил в византистике. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/07/28/Ps_karpov/
- Соколов И. И.* О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843—1453). Вселенские судьи в Византии. — СПб., 2003.
- Сорочан С. Б.* Византия IV—IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Харьков, 2001.
- Сорочан С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: Учебное пособие. — Харьков, 2011.
- Спасский Н.* Византиец. — М., 2003.

- Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. — М., 1961. — С. 34—63.
- Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. — Екатеринбург, 2002.
- Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии) // ВВ. — 1968. — Т. 29. — С. 32—44.
- Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии // ВВ. — 1960. — Т. 17. — С. 3—16.
- Сюзюмов М. Я. Модернизация и сепаратизация // АДСВ. — 1975. — Вып. 11. — С. 41—51.
- Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы истории Византии // ВИ. — 1959. — № 3. — С. 98—117.
- Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. — 1973. — Т. 35. — С. 3—18.
- Сюзюмов М. Я. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии // АДСВ. — 1973. — Вып. 9. — С. 57—65.
- Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М., 1998.
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Пер. с англ. — М., 2011.
- Трегубов В. Византия: зерна й плевели // Дзеркало тижня. <http://gazeta.dt.ua/history/vizantiya-zerna-y-pleveli-.html>
- Тредголд У. Непреходящая Византия // Византийское наследство. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vizantarm.am/page.php?71>
- Удальцова З. В. Византийская культура. — М., 1988.
- Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения) // Византийские очерки. — М., 1977. — С. 3—65.
- Удальцова З. В. Вклад византийской культуры в культурное развитие Европы // Литература и искусство в системе культуры. — М., 1988. — С. 31—39.
- Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. — М., 1975. — С. 124—157.
- Удальцова З. В., Котельникова Л. Е. Власть и авторитет в средние века // ВВ. — 1986. — Т. 47. — С. 3—16.
- Удальцова З. В., Осипова К. А. Особенности феодализма в Византии // ВИ. — 1974. — № 10. — С. 105—123.
- Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии (Постановка проблемы) // ВВ. — 1974. — Т. 36. — С. 3—30.
- Удальцова З. В., Осипова К. А. Типологические особенности феодализма в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Вып. 1. — Л., 1974. — С. 4—28.
- Успенский Ф. И. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории // Записки Императорского Новороссийского университета. — 1875. — Т. 16. — С. 1—18.
- Халем Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток — Запад // ВФ. — 2002. — № 7. — С. 26—51.
- Харитонов С. О. Історія приватного права Європи: Східна традиція. — Одеса, 2000.

- Хвостова К. В.* Общие особенности византийской цивилизации // Исследовано в России. Investigated in Russia. Электронный научный журнал. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/1988/006.pdf>
- Хвостова К. В.* Византийская цивилизация // ВИ. — 1995. — № 9. — С. 32—48.
- Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. — СПб., 2009.
- Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма // Исследовано в России. Investigated in Russia. Электронный научный журнал. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2007/158.pdf>
- Хвостова К. В.* Некоторые правовые и социальные реалии Византии в их сравнении с Западом // Ключевые проблемы изучения и преподавания истории Средних веков. Методические материалы. — М., 2006. — С. 103—110.
- Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). — М., 2000. — С. 181—195.
- Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации. — М., 2005.
- Хвостова К. В.* Способы функционирования византийской цивилизации во времени // Цивилизации. — Вып. 3. — М., 1995. — С. 189—198.
- Ченцова В. Г.* Константинополь глазами западноевропейцев // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. — М., 2000. — Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. — С. 299—305.
- Черноусов Е. А.* Основные черты государственного строя Византии // Записки Императорского Харьковского университета. — 1912. — Кн. 1. — С. 1—10.
- Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. — М., 1990.
- Чорноморець Ю.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопажіта до Геннадія Схолярія. — К., 2010.
- Шевченко И. И.* Восприятие Византии // Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии. — Т. 1 (1998). — М., 2001. — С. 481—494.
- Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом. Нариси з історії культури до початку XVIII століття / авторизований переклад з англійської Марії Габлевич, під редакцією Андрія Ясіновського. — Львів, 2001.
- Шевченко І.* Сприйняття Візантії // Критика. — 1998. — № 11. — С. 12—16.
- Шевченко І.* «...говорити зовсім нормально...» / Розмову вела Л. Тарнашинська // Слово і час. — 1991. — № 2. — С. 44—47.
- Шейнэ Ж.-К.* История Византии / Пер. с фр. В. Б. Зусевой. — М., 2006.
- Шмеман А.* Догматический союз. Вступительная лекция в курс византийской церкви, прочитанная 11 октября 1945 г. // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. — Вып. 1. — М., 1991. — С. 105—119.
- Шмеман А.* Исторический путь православия. — М., 2007.
- Шмеман А.* Судьба византийской теократии // Православная мысль. — Париж, 1947. — № 5. — С. 130—146.
- Шмит Ф. И.* Политика и византиноведение // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. — 1932. — № 7—8. — С. 6—23
- Эко Умберто.* Баудолино / Пер. с итал. и послеслов. Е. А. Костюкович. — СПб., 2003.

- Яковенко Н. М. «Підручник української історії залишається bastіоном ура-патріотизму // День. Щоденна всеукраїнська газета. — П'ятниця, 25 листопада 2011 р. — № 215—216. [Електронний ресурс] Режим доступу: <http://www.day.kiev.ua/219618>
- Angold M. Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. — New York, 2001.
- Beck H.-G. Byzantinistik heute. — Berlin; New York, 1977.
- Flusin B. La civilization Byzantine. — Paris, 2005.
- Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Ed. A. Bryer-H. Lowry. — Birmingham, 1986.
- Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power: *ennomos politeia*, *ennomos arche* // Law and Society in Byzantium, Ninth—Twelfth Centuries / Ed. A. E. Laiou and D. Simon. — Washington, 1994. — P. 27—51.
- Gurevich A. Why I Am not a Byzantinist? // DOP. — 1991. — Vol. 46. — P. 93—96.
- Haldon J. F. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. — Cambridge, 1990.
- Haldon J. F. Byzantium. A History. — Stroud, 2000.
- Haldon J. F. On the Structuralist Approach to the Social History of Byzantium // BS. — 1981. — Vol. 52. — Fasc. 2. — P. 203—211.
- Haldon J. F. Production, Distribution and Demand in the Byzantine World, c. 660—840 // The Long Eighth Century / By I. Hansen and C. Wickham. — Leiden; Boston; Köln, 2000. — P. 225—264.
- Haldon J. F. The Feudalism Debate Once More: The Case of Byzantium // The Journal of Peasant Studies. — 1989. — Vol. 17. — № 1. — P. 5—41.
- Haldon J. F. The State and the Tributary Mode of Production. — London; New York, 1993.
- Haussig H. W. A History of Byzantine Civilization. — London, 1971.
- Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300—1450. — Cambridge, 1985.
- Herrin Judith. Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire. — Princeton, 2008.
- Hranova A. The Postmodern Fall of Constantinople: Umberto Eco // Études Balkaniques. — 2005. — № 2. — P. 15—24.
- Iorga N. Byzance après Byzance. — Bucarest, 1971.
- Kafadar C. Between Two Worlds: the Construction of the Ottoman State. — Berkeley, 1995.
- Kazhdan A. Byzantium: the Emperors New Clothes? // History Today. — 1989. — Vol. 9. — № 9. — P. 26—34.
- Kazhdan A. State, Feudal and Private Economy in Byzantium // DOP. — 1993. — Vol. 47. — P. 83—100.
- Kazhdan A., Constable G. People and power in Byzantium. — Washington, 1982.
- Kazhdan A., Culter A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byzantium. — 1982. — T. 52. — P. 429—478.
- Kazhdan A., Epstein A. W. Change in Byzantine culture in the eleventh and twelfth centuries. — Berkeley, 1985.

- Koder J.* Byzantium as Seen by Itself — Images and Mechanisms at Work // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. So a, 22—27 August 2011. — So a, 2011. — Vol. 1. Plenary Papers. — P. 69—81.
- Miller D. A.* Imperial Constantinople. — New York, 1969.
- Oikonomides N.* Fiskalite et exemption scale a Byzance (IXe — XIe s.). — Athenes, 1996.
- Oikonomides N.* The Role of the Byzantine State in the Economy // EHB. — P. 951—1036.
- Ronchey S.* Nostalgia for Byzantium: How and Why We Continue to Sail // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. So a, 22—27 August 2011. — So a, 2011. — Vol. 1. Plenary Papers. — P. 107—130.
- Runciman S.* Byzantine Civilization. — New York, 1956.
- Ševčenko I.* Perceptions of Byzantium // Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843—1261). — New York, 2000. — P. 2—21.
- Ševčenko I.* Was there totalitarianism in Byzantium? Constantinople's control over its Asiatic hinterland in the early ninth century // Constantinople and its hinterlands: papers from the Twenty-Seventh Spring Symposium of Byzantine Studies (Oxford, April 1993) / Ed. C. Mango and G. Dagron. — Aldershot, 1995. — P. 91—105.
- The Byzantines* / Ed. by G. Cavallo; Transl. by T. Dunlap, T. L. Fagan, C. Lambert. — Chicago, 1997.
- The Cambridge History of the Byzantine Empire, C. 500—1492* / Ed. by J. Shepard. — Cambridge, 2008.
- The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / Ed. by E. Jeffreys with J. Haldon and R. Cormack. — Oxford; New York, 2008.
- Treadgold W. T.* A History of the Byzantine State and Society. — Standford, 1997.
- Treadgold W. T.* The Revival of Byzantine Learning and the Revival of the Byzantine State // American Historical Review. — 1979. — Vol. 84. — P. 1245—1266.
- Treadgold W.* The Persistence of Byzantium // The Wilson Quarterly. — 1998. — № 66. — P. 2—7.
- Vryonis S.* The Byzantine legacy and Ottoman forms // DOP. — 1969—1970. — Vol. 23—24. — P. 251—308.
- Whittow M.* The Making of Byzantium: 600—1025. — Berkly; Los Angeles, 1996.
- Wickham C.* The Order Transition: From the Ancient World to Feudalism // Past and Present. — 1984. — Vol. 103. — P. 3—36.